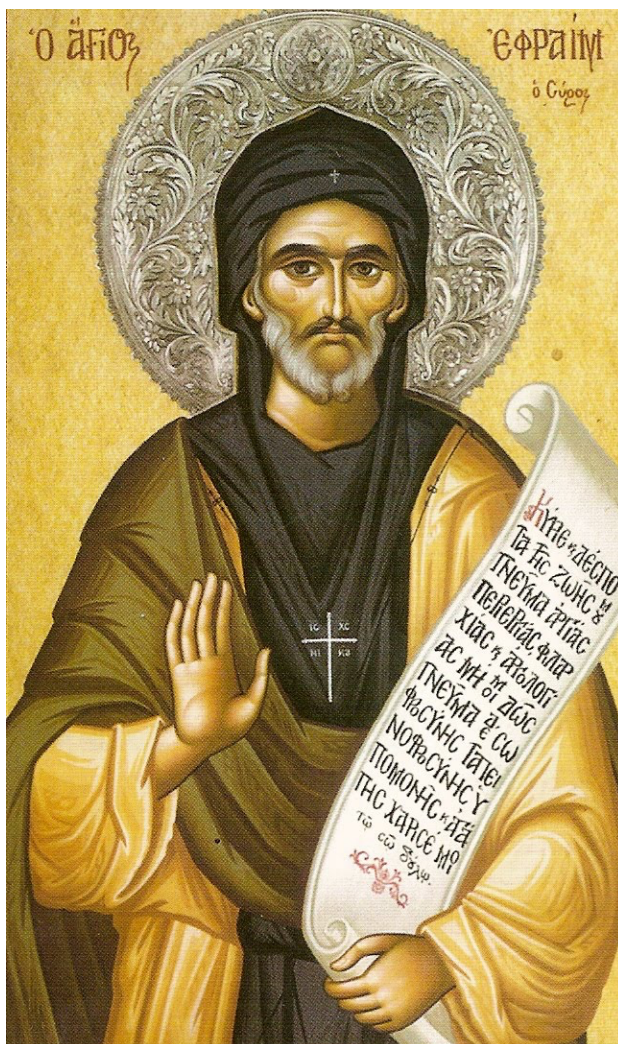

Житие преподобного отца нашего Ефрема Сирина¹

Память 28 января/10 февраля

Святой Ефрем был родом из Месопотамии из города Низибии². Он родился в царствование Константина Великого³ от христианских родителей⁴ и дожил до царствования Феодосия Великого⁵. Еще в юных годах Святой Ефрем отрекся от мира и ушел в пустыню, где стал иноком⁶. Он получил от Бога дар премудрости; из уст его истекла благодать, подобно сладкой реке напаявшая умилением души всех, слушавших его поучения. Это было предзнаменовано ему в самом раннем возрасте. Когда он был еще ребенком, родители его видели о нем следующий сон: виноградная лоза взошла на языке мальчика и, выросши, наполнила ветвями и гроздьями всю поднебесную. Птицы небесные собирались и или ягоды винограда, и сколько они съедали, настолько же количество винограда увеличивалось. Когда затем Святой Ефрем подвизался на одной пустынной горе, исполненный Великого умиления и сердечного сокрушения, один из богоносных отцов видел во сне светлого, сиявшего подобно ангелам, мужа. Он держал в руке исписанный свиток и спрашивал:

- Кто может принять и сохранить этот свиток?

Голос свыше отвечал ему:

- Никто другой, кроме Ефрема, угодника Моего.

Перед явившимся мужем стоял Ефрем. Он открыл свои уста, а муж вложил ему в рот свиток. Преподобный Ефрем сел свиток, а затем, вскоре после этого, начал говорить и писать назидательные речи, приводившие в умиление каждого, читавшего их и слушавшего. Они могли в каждом возбудить страх Господень и наставить на путь покаяния, как это ясно из его боговдохновенных книг. Равным образом и другой великий и Святой старец имел подобное же видение во сне о святом Ефреме. Он видел сонмы ангелов, сходящих с неба, по повелению Божьему, и имевших в руках свиток, исписанный внутри и извне. Они говорили друг другу:

- Кто может этот свиток принять?

В ответ одни называли одно имя, другие вспоминали другое, а некоторые говорили:

- По истине святы и праведны упомянутые мужи, но ни один из них не может принять этого свитка, а только Ефрем, кроткий и смиренный сердцем.

Затем старец видел, как Ефрему был отдан этот свиток. Встав на утро, он слышал, как блаженный Ефрем предлагал братии поучительные назидания. Как будто источник истекал из уст! Из них исходили речи, преисполненные великой пользы. Он уверовал, что все, исходящее из уст святого Ефрема, внушается Духом Святым, и прославил Бога, подающего такую благодать рабам Своим.

В 363 году Низибия подпала под власть персов, и многие из христиан оставили Низибию. Тогда и преподобный Ефрем вознамерился пойти отсюда в город Эдессу⁷. Он обратился к Богу с такою молитвою:

- Господи Иисусе Христе! Сподоби меня увидеть город Твой, и когда я буду входить в него, пошли мне на встречу такого человека, который побеседовал бы со мною от Священного Писания с пользою для меня.

Когда он, так помолившись, приближался к городу и входил в ворота, встретила его женщина. Увидев ее, раб Божий опечалился и обратился мысленно к Богу:

- Господи, Ты презрел моление раба Твоего. Ибо каким образом может она беседовать со мною о книжной мудрости?

Женщина же стояла и смотрела на него. Святой Ефрем обратился к ней с вопросом:

- Скажи мне, женщина, зачем ты стоишь и смотришь на меня?

Женщина ответила:

- Я смотрю на тебя, потому что женщина от мужа взята, а ты смотри не на меня, а в землю, из которой ты взят.

Услышав это, Ефрем подивился такому ее ответу и прославил Бога, давшего женщине такой ум. Он понял, что не презрел Господь молитвы его. Вошедши в город, он жил в нем много времени⁸.

Случайно близ того дома, в котором обитал Святой, жила другая женщина блудница, бывшая его соседкою. Подстрекаемая бесовским лукавством, она хотела оскорбить старца. Открыв оконце, откуда был вид на жилище святого, она увидела, что Ефрем стоит и варит себе пищу. Женщина громко обратилась к нему:

- Благослови, господин!

Преподобный посмотрел на оконце и, заметив, что она наблюдает, сказал ей:

- Господь да благословит тебя.

Тогда женщина продолжала:

- Чего недостает для твоей пищи?

Святой ответил:

- Три камня и немного песку необходимо, чтобы заградить оконце, из которого ты смотришь сюда.

Женщина бесстыдно сказала ему на это:

- Я обратилась к тебе с речью первая, и ты ответил мне. Я хочу лечь с тобою, а ты отказываешься с первого слова.

Раб Божий отвечал ей:

- Если ты хочешь лечь со мною, то иди на то место, какое я тебе укажу.

Блудница сказала:

- Укажи мне это место, и я приду.

Тогда Святой сказал:

- Если ты избрала меня, то не можешь возлечь со мною ни на каком другом месте, как только среди города.

Блудница изумилась:

- Разве не стыдно нам будет людей?

Святой ответил:

- Если нам стыдно людей, то насколько больше должно стыдиться, а вместе и бояться Бога, знающего все тайны человеческие! Ведь, Он будет судить весь мир и воздаст каждому по делам его.

Услышав это, блудница умилилась речами святого Ефрема. Она пришла и припала к ногам его, плача и говоря:

- Раб Божий! наставь меня на путь спасения, чтобы я могла избавиться от многих моих злых деяний.

Преподобный Ефрем, преподав ей много наставлений из Священного Писания, утвердил ее в покаянии и, отдав ее в женский монастырь, спас душу ее от беззаконий и греха.

Затем еще одна блудница, подошедши к преподобному Ефрему, когда он куда-то шел, соблазняла его на грех, чтобы по крайней мере рассердить его, так как никто и никогда не видел его гневающимся.

Преподобный сказал ей:

- Иди за мною.

Женщина пошла за ним. Когда они подошли к одному многолюдному месту, Святой сказал ей:

- Здесь ляжем и совершим грех.

Она же, видя народ, сказала ему:

- Как можно здесь остановиться, когда кругом столько народу! Разве не стыдно?

Преподобный ответил ей:

- Если ты стыдишься людей, то насколько больше мы должны стыдиться Бога, знающего сокровенные тайны?

Так женщина отошла от него посрамленная, не будучи в состоянии ни прельстить святого к греху, ни возбудить в нем гнев, ибо он был муж поистине незлобивый и кроткий и совершенно неспособный гневаться.

О его добросердечии рассказывают следующее. Когда он постился в пустыне, ученик его в обычное время приносил ему пищу. Однажды, когда он нес пищу, то случайно разбил на пути сосуд, в котором была пища. Он боялся гнева старца, но последний, увидев смущенного ученика, сказал:

- Не скорби, брат, - если пища не захотела к нам придти, то мы пойдем к ней.

Затем, подошедши, он сел у разбитого сосуда и, собирая пищу, стал есть. Так он был незлобив! О нем рассказывали, что с тех пор, как он стал иноком, никогда ни на кого не гневался.

Преподобному Ефрему было однажды откровение о святом Василии Великом⁹. Он видел в сонном видении огненный столп, достигавший до неба, и слышал голос:

- Ефрем, Ефрем! Каким ты видишь этот огненный столп, таков и есть Василий.

Тогда Ефрем пожелал видеть святого Василия. Взяв с собою переводчика, - ибо он не умел говорить по-гречески, - Святой Ефрем пошел в Кесарию Каппадокийскую¹⁰. Он нашел святого Василия в церкви поучающим людей и начал славить его громким голосом, говоря:

- Воистину велик Василий! Воистину он есть столп огненный! Воистину Дух Святой говорит его устами!

Тогда некоторые из народа стали говорить:

- Кто этот странник, так восхваляющий архиепископа? Не льстит ли он ему, чтобы получить что-либо из рук его?

После отпуска церковного, когда преподобный Ефрем вступил в дружескую беседу со святым Василием, последний спросил его:

- Почему ты так прославлял меня?

Преподобный Ефрем ответил:

- Потому что я видел белого голубя, сидевшего на правом плече твоём и говорившего тебе на ухо то, что ты внушал людям. Кроме того, огненный язык вещал твоими устами.

На это Святой Василий сказал ему:

- По истине я вижу ныне то, что слышал о тебе, житель пустыни и любитель безмолвия! Так пишется и у пророка Давида: **"Ефрем крепость главы Моей"** (Пс.59:9). По истине к тебе относятся эти пророческие слова, ибо ты многих наставил на путь добродетели и укрепил в ней. Кротость же твоя и незлобие сердца сияют для всех, как свет.

После того Василий Великий сказал:

- Почему, честный отче, ты не принимаешь посвящения в сан пресвитера, будучи достоин его?

- Потому что я грешен, владыка! - отвечал ему Ефрем чрез переводчика.

- О, если бы и я имел грехи твои! - сказал Василий, и прибавил: "сотворим земной поклон.

Когда же они поверглись на землю, Святой Василий возложил руку свою на главу преподобного Ефрема и произнес молитву, положенную при посвящении в диакона. Преподобный Ефрем пробыл после того со святым Василием три дня, в духовной радости. Василий поставил его в Диякона, а переводчика его в пресвитера и потом с миром отпустил их.

Преподобный Ефрем имел великую любовь к преподобному Аврамию затворнику, память которого празднуется 29 октября. Они часто посещали друг друга и умилялись взаимно назидательными дружескими беседами. А когда блаженная Мария, племянница Аврамия, подверглась обольщению врага, преподобный Ефрем своими молитвами много содействовал спасению ее. Он много болел сердцем о согрешающих и много заботился об исправлении их.

Преподобный Ефрем то пребывал в пустыне¹¹, в безмолвии работая Богу, причем собрал там и множество учеников, - то, по повелению Божьему, жил в городе Эдессе, приводя многих людей к покаянию и приобретая для Бога погибшие души своими поучениями. Настолько он изобилдовал душеполезными словами и был преисполнен благодати Божьей, что много раз у него изнемогала гортань от напряжения голоса, а язык от произнесения слов; однако, речи его не становились короче, тем более что ум его был преисполнен глубины премудрости и разума¹². Кроме того, он был исполнен глубокого смирения, всячески избегал человеческого почитания и временной славы. Один раз народ хотел схватить его и насильно поставить в епископы. Ефрем, узнав об этом, притворился юродивым и начал бегать по площади, влача за собою свою одежду, как безумный, - схватывал продаваемые хлеба и овощи и ел. Видя это, люди сочли его помешанным, а он бежал из города и скрывался, пока не был поставлен другой епископ на то место, на которое его хотели поставить. В молитве Святой пребывал непрестанно, - днем и ночью. Обладая даром умиления и слез, он плакал всегда, поминая день суда, о котором он много писал и говорил. Он мало спал, мало вкушал и пищи, - только бы не изнемочь и не умереть от голода и лишения сна. Он был совершенно нестяжателен и любил нищету больше богатства, как и сам говорит о себе в своем завещании:

- Ефрем никогда не имел ни золота, ни серебра, ни какого-либо хранилища, исполняя волю благого Учителя Христа, заповедовавшего: ничего на земле не приобретайте (ср. Мф.6:25 и след.).

В те годы жил еретик Аполлинарий, ложно мудрствовавший о воплощении Господнем. Он находчив был в словах и искусен в эллинской премудрости, вследствие чего сильно смущал Церковь Божий и многих увлек в свою ересь. Этот еретик весь труд свой и все старание, от самой юности своей и до старости, прилагал к тому, чтобы развращать православных и увлекать их в свое заблуждение. Он написал много книг против православных, из коих особенно замечательны две, так как в них наиболее полно выражено все его душевредное учение. Их он и употреблял, как оружие, ведя борьбу с православными путем словесных состязаний. Эти его книги были положены на сохранение у одной женщины, сожительницы его. Преподобный Ефрем, узнав об этих книгах, изобрёл против еретической хитрости свою, еще более изумительную: он пришел к той женщине тайно и весьма хвалил Аполлинария, называя себя при этом учеником последнего. Как бы желая научиться неизвестной ему мудрости, он просил женщину дать ему на малое время аполлинариевы книги, которые она хранила, чтобы из них списать вкратце наиболее замечательные места. Женщина, будучи уверена, что это действительно ученик ее друга, дала ему обе книги с условием, чтобы он поскорее возвратил их и никому о них не говорил. Святой Ефрем, взяв книги, отнес в свою обитель и, приготовив клей, все листы в них, отгибая по одному, склеивал, пока, наконец, не склеил все их так, что книги стали как бы одним куском дерева, или камнем, причем ни одного листа нельзя было отделить от другого. Затем он отнес книги женщине. Она же, взяв их и не посмотрев внутрь, положила на своем месте. Случился потом спор православных с еретиком Аполлинарием, состарившимся уже. Не обладая уже прежнюю находчивостью в спорах и имея слабую память, по причине старости, он хотел достигнуть победы над православными при помощи тех своих книг; но, взяв их, он не мог их раскрыть, так как листы были крепко склеены и окаменели. Он исполнился Великого стыда и вышел с собора побежденным и посрамленным, а затем скоро от скорби и Великого стыда он лишился жизни, с позором извергнув свою окаменную душу.

Преподобный отец наш Ефрем, прожив богоугодно много лет и приведши многих к спасению, заблаговременно провидел свою кончину и написал для своих учеников поучительное завещание. Проболев немного, он в глубокой старости отошел к Господу¹³. Честное тело его было погребено в его обители, находившейся в пустыне, в пределах Эдесских, в Сирии, а святая душа его предстоит ныне престолу Владыки, ходатайствуя о нас, чтобы мы получили прощение грехов наших, по его молитвам, благодатью и милосердием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Слез твоих теченьми пустыни безлодное возделал еси, и иже из глубины воздыханьми во сто трудов у плодоносил еси, и был еси светильник вселенней, сияя чудесы, Ефреме отче наш. Моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Час присно провидя суда, рыдал еси горько Ефреме, яко любобезмолвный, делателен же был еси в делех учитель преподобне. Темже отче всемирный, ленивыя воздвизаеши к покаянию.

---

1 Преподобный Ефрем назван Сирином, т. е. сирийцем, потому что Месопотамия, в которой он родился, в древности причислялась к Сирии.

2 Низибия (или Низибидя) - большой и многолюдный город в провинции Магдонии в Месопотамии, - на границах римской империи и персидского царства.

3 Император Константин Великий царствовал с 306 по 337 г.

4 О родителях своих преподобный Ефрем пишет следующее. "Родившие меня по плоти внушили мне страх господень. Предки мои исповедали Христа пред судьей, я родственник мученикам Деда мои, благоденствовавшие в жизни, были земледельцами. Родители занимались тем же"

5 Император Феодосий Великий царствовал с 379 по 395 г

6 Лета юности не прошли для Ефрема без некоторых преткновений. От природы пламенный, он был, как говорит сам, раздражителен "за маловажные дела вступал в ссоры, поступал безрассудно, предавался худым замыслам и блудным мыслям... Юность моя едва не уверила меня, что совершающееся с нами в жизни происходит случайно. Но Промысел Божий вразумил пылкую молодость". Ефрема ложно обвинили в поклаже овец и бросили в темницу, вслед за ним посажены были два других, и также невинно, как Ефрем. "Проведя семь дней, в восьмой вижу я во сне, - рассказывал после Святой Ефрем, - что кто-то говорит мне, - будь благочестив и уразумеешь Промысел, перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе сознаешь, что эти люди страдают не несправедливо, но не избегнут наказания и виновные". - Все это и увидел Ефрем, как рассказывает он подробно в одном из своих сочинений. - Эти события так поразили Ефрема, что он скоро оставил мир и удалился в горы к отшельникам, где стал учеником святого Иакова, впоследствии Великого святителя Низибийского (память его - 12-го января).

7 Эдесса - город в Месопотамии; лежит на границе между утесистой пустыней и плодоносной землей - южной Месопотамией. Этот город, - как говорит Святой Ефрем, - "благословен был живыми устами Спасителя чрез ученика его Фаддея"; здесь находился нерукотворный лик Спасителя и святые мощи апостола Фаддея.

8 Для пропитания своего в Эдессе преподобный Ефрем нанялся трудиться у содержателя бани и употреблял свободное время для проповеди слова Божьего язычникам; потом, по совету святого старца Иулиана, удалился в пустынную Эдесскую гору для подвигов. Вскоре видение открыло старцу в Ефреме мужа, которому одному из современных соотечественников вручена была книга для вразумления людей. Ефрем начал писать толкование на Пятикнижие. Этот первый опыт толкования на Сирском языке привлек к Ефрему многих эдессян, и Ефрем хотел убежать от людей. "Ефрем! куда бежишь ты?" - спросил явившийся ангел. "Хочу жить в безмолвии и бегу от молвы и обольщения света", - отвечал Ефрем. Ангел сказал: "Убойся, чтобы не исполнилось на тебе слово Писания: Ефрем подобен молодому волу, который хочет освободить шею от ярма" (Осии 10, 11). После того Ефрем возвратился к тому служению, к которому был призван. С сего времени он начал устно и письменно поучать веру и благочестию. Для успеха в своем благочестивом деле он открыл училище в Эдессе, из которого впоследствии вышли знаменитые учителя Сирийской церкви.

9 Память его - 1 января.

10 Каппадокия - провинция римской империи, находилась на востоке Малой Азии. Кесария - главный город Каппадокии.

11 Преподобный был, между прочим, и в египетских пустынях; так он пробыл некоторое время в Нитрийской горе. Сирский жизнеописатель говорит, что Ефрем виделся здесь с богоизбранным иноком Паисием, а Иоанн Колов, повествуя о жизни Паисия, описывает и беседы Паисия с "великим между сирийскими подвижниками отцом". "Был у нас здесь человек Божий Сириянин, старец великий между отцами, просвещенный умом и сердцем", - так говорят Иоанн Колов.

12 Святой Ефрем оставил после себя весьма много сочинений. В одних он - толкователь Священного Писания; (Святой Ефрем, по словам святого Григория, писал толкование, начиная с сотворения мира до последней благодатной книги); в других - обличитель ересей и песнопевец Церкви, в иных - учитель христианской жизни и в частности проповедник сокрушения сердечного. Сочинения последнего рода составляют как бы печать души преподобного Ефрема и вместе его славу на все века. Святой Григорий Нисский говорит, что "плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом, - день и ночь лились у него слезы; но лицо Ефрема цвело и сияло радостью, тогда как ручьи слез лились из глаз его. Но и там, где Ефрем говорит о сокрушении, он возносится мыслью к благодати Божьей, изливает благодарение и хвалу Всевышнему". Все нравственные наставления его благоухают сердечным умилением. Не одно свое наставление так начинаете Ефрем: "Сокрушайся, душа моя; сокрушайся о тех благах, которые ты приняла от Бога и погубила. Сокрушайся о делах злых, сделанных тобою. Сокрушайся о всем том, в чем показал Бог Свое долготерпение к тебе. Придите, братья мои, придите рабы Христовы, будем сокрушаться сердцем и рыдать перед Ним День и ночь. Придите, будем помышлять об оном страшном и грозном суде и следующем затем нашем осуждении". В этом чувстве сокрушения обыкновенные предметы бесед святого Ефрема: покаяние, память о смерти и суде, страх Божий, внимание к самому себе, смирение, против гордости и проч. - За свои высокие поучения Святой Ефрем был назван соотечественниками пророком Сирским. Блаженный Иероним пишет: "Ефрем, диакон Эдесский, достиг такой славы, что в некоторых церквях сочинения его читаются публично после св. Писания". "Прославлять мне надобно того, - говорит Григорий Нисский, - кто в устах всех христиан, Ефрема Сирина, того Ефрема, которого жизнь и наставления сияют в целом мире". - Святой Ефрем оставил после себя много и догматических сочинений. Все они писаны против заблуждений того времени. Таковы: а) 80 слов против дерзких испытателей, т. е. против аэтиан и евномиан; б) 56 поучений против ересей с обличениями и увещаниями вардесанитам (последователям еретика Вардесана), маркионитам и мессалианам; в) о жемчужине, или о том, что в одном лице Иисуса Христа соединены два естества, против Маркиона и Манеса; г) три слова о вере и против иудеев; д) о свободе против защитников слепой судьбы; о покаянии, где против новатиан говорит о власти церкви прощать грехи и опровергает тысячелетнее царство; о свяществе; о рае и суде. - Строгий ревнитель веры и благочестия, святой Ефрем не мог оставаться равнодушным к смутам, какие произвели в Эдессе и Месопотамии секты Вардесана и Ария. Противодействуя еретикам, которые спой заблуждения излагали в поэтической форме песни и, привлекая неопытных изяществом стихотворного размера, легко и надолго укореняли еретическое содержание их, Святой Ефрем и сам начал излагать, на основании Св. Писания, истинное учение о Боге и его отношениях к нам, в такой же поэтической форме.

Народ с жадностью внимал песнопениям святого отшельника и забывал Песни еретические. Еретики так были раздражены успехами святого Ефрема, что раз напали на него с камнями и оружием, и едва не убили его; но это нисколько не ослабило его ревности к вере. Все эти сочинения писаны святым Ефремом в виде благоговейных размышлений. Они назначались им для народного употребления, а частью и для пения в храме и написаны стихами. Святой Ефрем оставил также много умильных молитв и молитвенных песнопений. Таковы его песнопения на Рождество Христово, отличающиеся особенно торжественностью; ему же принадлежат глубоко-трогательные стихиры, поемы при погребении; из молитв, составленных им, особенно известна умильно-трогательная молитва, читаемая в дни Великого поста: "Господи и владыка жизни моей! Не дай духу праздности, любоначала, празнословия овладеть мной. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне, рабу твоему. О, Господи, Владыка, даруй мне возможность видеть прегрешения мой, и не осуждать брата моего, благословен будь во веки веков. Аминь".

13 Святой Ефрем мирно скончался в городе Эдессе в 373 году.

преподобный Ефрем Сирин
О молитве

Слово 1

Подлинно блаженное дело – не грешить: а согрешающим – не отчаиваться, но плакать о том, в чем согрешили, чтобы слезами опять улучшить блаженство. Посему прекрасно **«всегда молиться и не стужати»**, как говорит Господь (Лк.18:1). И Апостол еще говорит: **«Непрестанно молитесь»** (1Фес.5:17), то есть и ночью, и днем, и всякий час. Не только входя в **церковь**, но и в другие часы не оставляй о сем попечения; напротив того, работаешь ли, спишь ли, или находишься в дороге, или ешь, или пьешь, или лежишь – не прерывай молитвы, ибо не знаешь, когда придет требующий души твоей. Не жди воскресного дня или праздника, не разбирай различия мест, но, как сказал пророк Давид, молись **«на всяком месте владычества»** (Пс.102:22). Посему в церкви ли ты, или у себя дома, или в поле, пасешь ли овец,

занимаешься ли постройкой, бываешь ли на пиршестве – не оставляй молитвы; и, когда можно, преклони колена, а когда невозможно, молись умом; и вечером, и утром, и в полдень. Если **МОЛИТВА** будет предшествовать делу, и, встав с ложа, первые свои движения посветишь молитве, то грех не найдет доступа к душе. Молитва есть предохранительное средство для целомудрия, обучение сердца, укрощение кичливости, очищение от памятозлобия, истребление ненависти, исправление нечестия. Молитва – крепость телу, благоденствие дому, благоустройство городу, могущество царству, знак победы во время брани, прочность мира. Молитва – печать девства, верность брака, оружие путников, страж почивающих, благонадежность бодрствующих, плодоносие земледельцам, спасение плавающих. Молитва – заступница судимых, отрада заключенных, утешение скорбящим, веселие радующимся, ободрение плачущим, праздник в дни рождения, венец супругам, погребение умершим. Молитва – беседа с Богом, равночестие с Ангелами, преспеяние в добром, отвращение от худого, исправление согрешающим. Молитва соделала Ионе и кита домом, а Езекию от врат смертных возвратила к жизни, и отрокам в Вавилоне превратила пламень в «**ДУХ РОСЫ**» (Дан.3:50). Молитвою Илия связал небо, «**и не одожди по земли лета три и месяц шесть**» (Иак.5:17). Видите, братия, как сильна **МОЛИТВА**. В целой жизни человека нет иного достояния драгоценнее молитвы. Никогда не удаляйтесь от нее, никогда не оставляйте ее, но, как сказал Господь наш, будем молиться, да не вотще будет труд наш (Мф.6:6). «**И егда стоите молящиеся, отпускайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш Небесный... отпустит согрешения ваша**» (Мк.11:25). Смотрите, возлюбленные, чтоб не вотще трудиться нам молясь, если будем иметь на кого вражду. Господь говорит еще: «**Аще убо принесеши дар твой ко олтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой**» (Мф.5:23–24). Итак, явно теперь, что если не сделаешь сего прежде, то все, что ни приносишь, не будет принято. Если же исполнишь повеление Владыки, тогда с дерзновением молись Господу, говоря: «Оставь мне, Владыка, долги мои, как и я оставляю брату моему, исполнив заповедь Твою. Хотя и немощен я, однако ж оставил». И Человеколюбец скажет в ответ: «Если ты оставил, оставляю и Я; если ты простил, прощаю и Я твои долги; потому что имею власть отпускать на земле грехи». Отпустите и отпустится вам. Видите несравненное Божие человеколюбие. Видите безмерную Божию благодать. Слышали вы краткий способ ко спасению душ ваших.

Слово 2

Молитва – великое оружие, неоскудевающее сокровище, никогда не истощимое богатство, безмятежная пристань, основание тишины; корень, источник и мать тысячам благ есть **МОЛИТВА**. Она самого царства сильнее. Посему нередко бывало, что облеченный в диадему страдает горячкой, лежит палимый огнем на одре, перед ним стоят врачи, телохранители, слуги, военачальники: и ни искусство врачей, ни присутствие друзей, ни услуги домочадцев, ни изобилие лекарств, ни многоценность утвари, ни богатство, ни всякое другое человеческое пособие не в состоянии облегчить его недуг; но если придет кто имеющий дерзновение к Богу и коснется только тела, и сотворит над ним чистую молитву, то прогоняется весь телесный недуг. И чего не в силах были сделать богатство, множество прислуживающих, знание опытности и величие царства, то нередко в состоянии сделать молитва одного бедного и нищего.

Разумею же молитву не эту холодную и полную небрежения, но совершаемую протяженно, с болезнующей душой, с напряженным умом. Ибо такая **МОЛИТВА** восходит к небу. Как вода, пока течет по ровному месту и пользуется большим простором, не поднимается в высоту, а когда руки водопроводчиков, преградив ей течение внизу, сгнетут ее, тогда, стесненная, скорее всякой стрелы стремится вверх; так и человеческий ум разливается и становится рассеянным, пока пользуется большой вольностью; когда же обстоятельства стесняют его, тогда в прекрасном этом угнетении воссылает в высоту чистые и усиленные молитвы. И чтобы понять тебе, почему особенно могут быть услышаны оные, со скорбью совершаемые молитвы, послушай, что пророк говорит Господу: **«внегда скорбети ми, возвах, и услышамя»** (Пс.119:1). Итак, будем возгревать совесть, возбуждать в душе скорбь памятью о грехах, возбуждать скорбь не для того, чтобы стеснить душу, но чтобы соделалась она достойною услышания, была трезвенна, бодрствовала и касалась самих небес. Ничто не отгоняет так от нас лень и нерадение, как болезненное чувство и скорбь, которые собирают ум воедино, и возвращают его в самого себя. Кто так скорбит и молится, тот после **МОЛИТВЫ** в состоянии будет водворить в душе своей великую приятность. Как стечение облаков вначале делает воздух мрачным, а когда пойдет из них дождь, и облака утратят одну за другой скопившиеся в них снежинки, тогда снова делают весь воздух тихим и ясным. Так и душевная скорбь: пока заключена внутри, омрачает наш помысл, а когда истощит себя в молитвенных словах слезами и выйдет наружу, тогда производит в душе большую ясность, низведя в ум молящегося, подобно некоему лучу, мысль о Божией помощи. Но какое холодное у многих рассуждение? Говорят: «Не имею дерзновения,

покрыт я стыдом и не могу отверзсть уст». Сатанинский это страх, прикровение это лености; диавол хочет заградить дверь, которою можем войти к Богу. Нет у тебя дерзновения? Но великое уже дерзновение и это самое – почитать себя не имеющим дерзновения, так как крайний стыд и осуждение – почитать себя имеющим дерзновение. Ибо, если и много у тебя заслуг, и не сознаешь за собою ничего худого, но считаешь себя имеющим дерзновение, то лишился ты всех плодов молитвы. А если носишь на совести тмочисленные (бесчисленные) бремена грехов, убедишь себя только в том, что ты последний из всех, то великое будешь иметь дерзновение пред Богом. В этом нет смиренномудрия, чтобы грешнику почитать себя грешником, ибо смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая в себе многое и великое, не воображать о себе ничего великого; смиренномудр, кто подобен Павлу и может сказать (1Кор.4:4): «Ничесоже бо в себе свем» (ведаю), и говорит также: «Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз» (1Тим.1:15). Вот смиренномудрие – быть высоким по заслугам и унижать себя в уме. Впрочем, Бог, по неизреченному Своему благоутробию, допускает к Себе и приемлет не только смиряющихся, но и тех, которые благопризнательно высказывают грехи свои; и к таковым бывает милостив и благоволит.

И чтобы знать тебе, какое благо есть не воображать о себе ничего великого, начертай словом две колесницы. Впряги праведность и высокоумие, и еще грех со смиренномудрием – и увидишь, что колесница греха упредит праведность не по собственной силе греха, но по крепости сопряженного с ним смиренномудрия, и также первая колесница останется позади, не по немоци праведности, но по тяжести и дебелости высокоумия. Ибо как смиренномудрие, по превосходной своей высоте, преодолевает тяжесть греха и предваряет в восхождении к Богу, так высокоумие, по великой своей тяжести и дебелости, в состоянии взять верх над не обремененною ничем праведностью и легко увлечь ее долу. И в доказательство, что одна колесница быстрее другой, припомни фарисея и мытаря. Фарисей впряг праведность и высокоумие, говоря так: «хвалу Тебе воздаю, яко несмь, якоже прочий чловецы, хищницы», любостяжатели, «и якоже сей мытарь» (Лк.18:11). Высокоумия его не насытил весь род человеческий, но в великом безумии напал он и на стоявшего вблизи мытаря. Что же мытарь? Не отразил укоризны, не ограничился обвинением, но с благодарностью принял сказанное, и стрела вражия обратилась для него во врачевство и цельбу, укоризна – в похвалу, и обвинение – в венец. Так прекрасно смиренномудрие! Столько выгод – не уязвляться злословием других, не свирепеть от оскорблений ближнего! Ибо и с них можно пожать

великое и превосходное благо, как и было с мытарем. Приняв укоризну, отложил он грехи и, сказав, «**милостив буди мне грешнику... сниде... оправдан... паче онаго**» (Лк.18:13–14). Слова стали выше дел, слово взяло верх над действием. Один выставял напоказ праведность, посты и десятины, а другой произнес одно слово – и сложил с себя все грехи, потому что **Бог** не слова только слышал, но видел и мысль, с какою произнесены оные, и, нашедши смиренномудрие и сокрушенное сердце, помиловал и оказал человеколюбие.

Говорю же сие не к тому, чтобы грешили мы, но чтобы мы были признательны. Ибо мытарь – человек, стоящий на крайней степени повреждения, не смиренномудрием, а только благопризнательностью, тем, что высказал грехи свои, исповедал, что он такое, – привлек на себя столь великое Божие благоволение; а таковую помощь приобретают себе от Бога и те, которые, хотя преуспели в великих добрых делах, однако же невысоко о себе думают. Посему увещаю, прошу и умоляю чаще исповедоваться пред Богом. Не на позорище перед подобными тебе рабами вывожу тебя, не человекам принуждаю тебя открывать согрешения. Раскрой совесть свою пред Богом, Ему покажи язвы, у Него проси врачевств, покажи себя не укоряющему, но Врачующему. Ибо если и умолчишь, все узнает Он. Итак, говори, чтобы остаться с приобретением, говори, чтобы, сложив здесь прегрешения, идти туда чистым и освободиться от будущего нестерпимого обличения.

Три отрока были в печи, предавая душу за исповедание Владыки, однако же при столь многих великих заслугах, говорили: «**несть нам отверзти уст: студ и поношение быхом рабом Твоим**» (Дан.3:33). Итак, на что же отверзаются уста? Чтобы, – говорят они, – выговорить нам это самое: «**несть нам отверзти уст**», – и тем самым привлечь к себе Владыку.

Сила **МОЛИТВЫ** угашала силу огненную, обуздывала ярость львов, решала войны, прекращала битвы, укрощала бури, изгоняла бесов, отверзала небесные врата, расторгала узы смерти, отгоняла недуги, отражала напасти, восстанавливала поколебавшиеся грады, останавливала и свыше наносимые удары, и человеческие наветы; одним словом – всякие бедствия. Разумею же опять молитву, не просто лежащую на устах, но восходящую из глубины ума. Как деревья, пустившие корни вглубь, если принимают на себя и тысячекратные приращения ветров, не ломаются и не могут быть вырваны, потому что корни твердо прикреплены к земной глубине, так и молитвы, воссылаемые из самой глубины ума, как надежно укорененные, простираются в высоту, и никакое приращение помысла не может

совратить их. Потому и пророк говорит: «Из глубины возвах к Тебе, Господи» (Пс.129:1). Ему слава во веки! Аминь.

преподобный Ефрем Сирин
О Воскресении, смерти и сатане

Гимн III

Хвала и слава Сущности Твоей всенесравненной,
Глубин измерить Коей никому не суждено.

1

Да внемлет слух наш, уши всех не внидут в заблуждение! ⁸
Кто Он и с кем Он ликом схож – изыскивать не должно.
Как можем мы вообразить доступное Познанию
Сей Сущности хоть с кем-нибудь какое-либо сходство?
Он – не вмещаемый ничем. Он – все, что зрит и внемлет.
Всецело – Логос Он, везде всецело пребывает.

2

Его очам не уловить, чтоб в мыслях наших образ,
Ему подобный, изваять. Такое невозможно!
Знай, что Он слышит без ушес и без устен глаголет,
Деяния без рук вершит и без очей взирает.
Душа не может тихой быть, спокойной, молчаливой
В святом присутствии Того, Кто носит этот Облик.
По милосердью Своему Он в образ облачился
Природы нашей – соединить нас всех Его подобьем.

3

Поймите, сущность у Него духовная, конечно.
Когда является она телесной, то насколько Чиста она!
Пускай она и вспыльчива до гнева,
Для пользы нашей только гнев она в себе являет.
И с нашим обликом она лишь для того и схожа,
Чтоб были образом Его. Ведь образом с Ним только
Лишь Сын Его, дитя, и схож, явив подобье ликом.

4

Ниси́ бия, внемли, внемли! Ради тебя, конечно,
И изрекал я, и писал ради тебя и прочих.
Ты в мире стала как родник борений и спасенья.
Плененные грехом уста – рыдали безутешно,
Спасенные – на торжестве тебя воспели в песнях.
К тебе отверзлись уста для плача и хвалений.

5

Молитва жителей твоих спасла тебя когда-то –
Лишь ради покаянья их, суд не был справедливым⁹
По мере гнусности своей познали жезла кару.
Но были смешаны грехи с поступками благими.
Грехи их были без числа, и им ответ – величье

Плодов деяний всеблагих, достойных восхищенья.
Богатством славу улучив, пускай такой же славы
Достойны будут от венцов, на главах воссиявших.

6

Тот день, когда спасаешь Ты, – владыка дней мелькнувших.
Твердыня стен упала в прах, твоих, о Нисибия,
Под лютым натиском врага, под гневом орд пустыни,
Но поражение обрели захватчики, убийцы.
В день воскресенья мертвых Он воздвигнет Нисибию,
Поднимет павшие твои из праха Он высоты.
Как Имя Он Свое тебя возвысит в день бессмертный.
Прославил Имя Он Свое – осаду сняли орды,
Томясь потерями, они бесславно отступили,
Покрыв позором честь свою и воинскую доблесть.

7

Сама́рию, где глад царил, избавил Ты от смерти,¹⁰
И сладкой сытостью ее Ты до краев исполнил,¹¹
Как бы пучина разлилась святого изобилья.
Врагов поднялися валы, морская зыбь неверных,
И мириадой водных стен Нисибию накрыла.
В Сама́рии растерзан был младенец¹² – город спасся.¹³
В Ниси́бии вкушают днесь ту Плоть, что жизнь дарует,
И эта Пища тотчас всех, вкушающих, спасает.
И вне сомненья Бог благой напастей не желает,
Но только попускает, чтоб они к нам прибывали.
В проступках наших корень зол, причина наших бедствий,
Никто не может возроптать на всех Творца, Владыку.
О наших слабостях, грехах, Он тяжело сожалеет,
Они влекут ведь гнев Его невольный за собою.
И вопреки желанью Он карает, сокрушаясь.
Земля, олива и лоза – и те приемлют кару
И в исправлении порой нуждаются жестоком.
Оливы древо бьют шестом – но плод его обилен,
Лоза подрезанная нам прекрасный грозд дарует,
И гроздей виноградных сок нам сердце умягчает.
Прекрасный урожай дают распаханые земли,
Каналы, проблески озер, пустыню орошают,
Обильно воду проводя на жаждущие нивы.
И полированная медь, и серебро, и золото
Сверкают, отражая блеск, и радуют владельца.
Всяк смертный исправленьем лишь богатство приумножит.
Забросив труд и опустив в отчаянии руки,

Заметит он, что все вокруг против него восстало.
Карают **Бог** лишь для того, чтоб смертный научился
Познать Того, Кто здесь его карает, обучая.
Когда наказывает Он – всегда для вящей пользы.
Так человек рабов своих для пользы наказует,
Чтоб их сберечь и сохранить. Хозяин дома добрый
Наказывает слуг своих, чтобы они смирялись,
Собой владели, никогда ко злу не уклоняясь.
Напасти в памяти твоей, Ниси́ бия, пусть станут
Подобны буквам ветхих книг, рекущих только правду.
Тебе довольно трех осад,¹⁴ чтоб для тебя явились
Словно Писания они, о коих размышленьям
Ты посветишь весь свой досуг, ведь ранее презрела
Завета оба: Ветхий, с ним и Новый целокупно,
В которых ты могла прочесть и о своем спасенье:
Он эти Книги написал, могучие твердыни,
Не поколеблются они: ты в них о наказанье
Своем заслуженном прочтешь и сокрушишься сердцем.
Чрез то, что нас постигло вдруг, остановить возможем
Мы то, что сможет нас потом настичь в грядущем веке.
О, примем наши кары с тем, чтоб будущие кары
Не стали наших душ бичом, лютейшим наказаньем;
Вспомянем прошлую беду, чтоб будущие беды
И отвратить, и поразить, и уничтожить разом.
Когда забыли мы удар бича жестокий первый,
Второй обрушился на нас. Но и второй забыли.
Боль третьего настигла нас. И кто ее забудет?

Гимн XXXVI

Благословен победу давший мне, Своей Он ради славы мертвым жизнь дарует.

Сокрыв могущество Свое, Господь был предан смерти,
Его живительная **смерть** дарует жизнь Адаму.
Он долони Свои гвоздям отдал – святые руки,
Ради руки, сорвавшей плод; предал уста ударам –
Уста святые ради уст, вкусивших плод Эдема,
А стопы – ради грешных ног изгнанника Адама,
Кто Рая сладкого лишен, – к Кресту крушцом прибиты.
Раздели Господа, глумясь, ради **Адама** чести.
Отцет, полынный желчи вкус,¹⁵ познал Он, чтоб разбавить
Яд змия горький, что проник в природу человека.

«Ты, если Бог еси, яви могущество и славу,
А если человек, терпи жестокие удары.
Адама ищешь? Прочь гряди! Пусты Твои надежды!
Он здесь навеки заключен, и даже Херувимы
И Серафимов горний чин не выкупят страдальца
Какой отчаянный мертвец отдаст сиянье жизни
Своей, чтобы спасти его, откроет пасть Шеола,
В нее проникнув и назад вернувшись к свету солнца?
Шеол уж поглотил его, закрыл навек в темнице.
Я собрала всех мудрецов, я, Смерть, их сонм связала,
И переполнила Шеол вплоть до глухих окраин.
О, сын Иосифа, приди, смотри на этот ужас.
Героев члены сокрушив, Самсона стан могучий,
И Голиафа кость кроша, я Ога-исполина,
Гигантов сына, что себе железный трон для власти
Ковал¹⁶ – со трона ввергла в тьму и трон перевернула:
У врат Шеола гордый кедр смирила, в прах низвергши.
Я смертных тысячи одна бесстрашно одолела,
Меня ли победить Ты мнишь, о жалкий одиночка!
Преславных всех мужей, отцов, священников, пророков,
Я унесла давно в Шеол, согнав их, словно стадо.
Я сокрушила и царей, их воинства столкнувши,
Я исполинов мощью их великою смирила,
Собрала праведных венец, блестящий благородством,
Так, что река из мертвых тел разлилась и в бурление
Со шумом падала в Шеол, круша непрочный берег.
Но тот поток не утолил Шеола жажды жгучей.
Не важно, близко ль человек к опасному теченью,
Иль, опасаясь, отошел подальше, час последний
Его увлекши, как поток, несет к вратам Шеола.

5

Сребро богатых ни во что не ставлю, презираю,
Дарами их не подкупить меня, попытки тщетны.
Пусть тысячи у них рабов, не слушаю мольбы их.
Слуга ль расстрогает меня, хозяина спасая,
Иль бедный сможет умолить, вступаясь за вельможу,
Ребенок ли уговорит, за старца заступаясь?
Положим, могут мудрецы, дав волю убежденью,
К словам своим скотов склонить, но силе красноречья
Не суждено достичь ушей моих, я ей не внемлю.
Мне имя „Ненависть к мольбе“, „Жестокая к просящим“,
Что мне приказано вершить, всегда я исполняю.

6

Кто ж он такой, и чей он сын, и из какого рода,
Тот человек, чтоб смог меня повергнуть, уничтожить?
Владею книгой вечной я всех живших поколений;
Себя заставила читать все имена в той книге,
Все, от [Адама](#) до сих дней. Какая это мука!
Нет пропуска среди имен, и ни один в ней смертный
Пропущен не был и забыт, все вписаны колена
В мое, конечно, существо, в мою, конечно, сущность.
И для Тебя лишь, Иисус, я их перечитала,
Не пропустила, все сочла, исчислила надежно,
Чтоб доказать Тебе: никто не избежал кончины.
Не будем лгать, двух имена отсутствуют во Аде.
Два: Илия и с ним Енох, во [Ад](#) не низвергались.
Искала я и в глубине, куда Иона канул,
Смотрела всюду, где могла, но их не обретала.
Я полагаю, что они в [Рай](#) сладости вселились
И ускользнули от меня. У входа в [Рай](#) на страже
Пламеннокрылый Херувим стоит, внушая трепет¹⁷
Иаков лестницу узрел, протянутую в выси:¹⁸
По ней Енох и Илия поднялись до созвездий.
Исчислит кто песок морей, чтоб у меня исхитить
Песчинки крохотные две? Обильнейшая жатва,
Что собирается серпом моих жнецов, болезней,
Растет во всякий день и час. Но только я снопы их
Беру и в житницу кладу, а с ними и болезни:
Могильщиков-жнецов самих с их жатвой хороню я,
И сборщики снопов тогда в забвенье исчезают.
Со зрелой сладостной лозы, забытой виноделом,
Две сочных ягоды тогда от взора ускользнули,
Но се – ничтожнейшая часть, ведь урожай огромен!

9

На всех охочусь я, везде я стерегу добычу,
На зыбях моря, на земле, – Смерть говорит с насмешкой, –
Орлы слетаются ко мне с безбрежных далей моря,
Морских чудовищ кличу я, зверей, пернатых с неба,
Я старцев, отроков зову, младенцев: пусть докажут
Тебе лишь, о Марии сын, насколько я всевластна.
Неужто Твой способен Крест лишить меня той власти?
Ведь он из древа: древом я и вырвала победу!

10

Хотела я продолжить речь, но предаюсь молчанью,

Знай, что без счета у меня речей и доказательств,
Зачем отборные слова нужны? Вглядишь в деянья:
Вот все они, и за себя они замолвят слово.
Да, не внушаю я, как вы, всем простецам и детям
О воскресении мечту. Когда они воскреснут?
Дай доказательство сейчас, коль Ты настолько властен,
Чтоб грезы будущих надежд принять сподручно было».
Умолкла Смерть, окончив речь презренья и насмешки,
И вдруг в Аду, как гром с небес, раздался глас Господень,
Раскатами загромыхал, отверз могилы кличем.¹⁹
И Смерть и сумрачный Шеол, не знающие света,
Вдруг охватил великий страх, и Ангелов когорты
Сверкающие взяв лучи во длань, вошли в потемки,
И перед ликом Мертвеца, Который жизнь дарует,
Подняли мертвых, тлен стряхнув, и мертвецы в веселье
Живыми вышли из могил, в багряный стыд окрасив
Ланиты тех, кто тщетно мнил, что Жизнь Саму убили.
И Смерть, бледнея, говорит: «Где времена былые –
Век Моисея, – что за пир, что за великий праздник
Тогда мне агнец даровал в оазисах Египта:
Я сладких первенцев брала, и горы детских трупов
У врат Шеола, словно снедь, для празднества лежали,
Но Агнец Праздничный, увы, на торжестве желанный,
Вдруг начал грабить мой Шеол, Он дюжины хватает
И забирает мертвецов, бесстыдно похищает!
Тот агнец наполнял гробы, любимые могилы,
А Этот, дерзкий, полноту гробов опустошает

13

О, что за пытка для меня кончина Иисуса!
Я предпочла бы, чтоб Он жил, чем умер мне на гибель!
Мертвец мятежный, **смерть** Его, мне, Смерти, ненавистна!
Смерть всякого услада мне, но **смерть** Его в соблазн мне.
Надеюсь и мечтаю я: Он оживет вот-вот уж,
Ведь быв живым, Он лишь троим вернул дыханье жизни,
Троих Он мертвых воскресил. Теперь, когда Он умер,
Его кончиной мертвецы вновь ставшие живыми,
Меня, царицу, ввергнув в прах у самых врат Шеола,
Ногами топчут всякий раз, как их сдержать пытаюсь.

14

О, запирайте вы врата Шеола поскорее
Пред этим Мертвым, смерть Его меня хитрее много.
Да не услышит кто мой стыд теперь пред миром целым!

Мертвец, явившийся извне, меня поработает.
Все мертвецы стремятся в жизнь, а Он сюда проникнул.
Сей Искупитель жизни вдруг зашел в Шеол незванно
И дарит жизнь живущим здесь безжизненным останкам.
Да кто позволил-то Ему войти сюда, сокрывши
Сей живопламенный огонь? Он кротко согревает
Холодный и немой вертеп туманного Шеола».

15

Во логове Шеола Смерть вдруг Ангелов узрела,
Бессмертных видит среди толп приободренных смертных.
«Смятение, – говорит она, – моим владеет кровом.
Шеол пустеет, мертвецы его бросают бездны.
И Ангелы в него сошли, бессмертные создания,
И то, и то меня томит. Смотрите, ко Гробнице
Подходят Ангелы – один вдруг сел у изголовья,
Другой у ног Его сидит, сияющекрылатый.²⁰
Поспору с ними, может, их уговорю вернуться,
Вспарить на выси своих царств, забрав с собой трофеи?»
О, не отвергни, Иисус благой, за дерзость речи,
За гордые мои слова: против Тебя глаголал.
Кто пред Твоим честным Крестом хоть каплю усомнился
Во человечестве Твоем и пред Твоим величием
Не принял веры в Божество Твое? Я две природы
В Тебе признал: Ты человек и Бог единосущно.
В Шеоле сможет ли мертвец блаженно обратиться?
Гряди, Господь, среди живых вещая покаянье.
Царь Иисус, прими мое моление, в залог же
Возьми обет, что сам Адам, вместе с Тобой идущий,
Уносит из шеолских недр, обетованье дивно:
В нем мертвецы идут во прах, и я совсем такой же,
Сиим обетом облечен живущий всякий. Знаю,
Адам – он лишь задаток, тот, явле́нный его телом.
Взнесись над перстью, Иисус, расширь Свой владенья:
Когда услышу звук трубы, трубы Святого Духа,
Я сам, поднявшись, поведу к Тебе навстречу мертвых.
Наш Царь покинул [Ада](#) сень, печальные пределы,
Он превознесся надо всем, как победитель Смерти.
О, горе, горе будет тем, кто оказался слева:
И духам злобы и бесам, и Сатане и Смерти,
Греху, Шеолу – горечь мук, а радость – тем, кто справа.
Вспоем безмерной славе гимн, нетленью Иисуса,
Того, кто умер и восстал – дать жизнь и воскресенье!

Гимн XXXVII

Благословен, Господь,
Твой крест сломил Шеола жгучее стрекало.
Зря оскудение богатств, в Шеоле
Смерть рыдала, Сокровища свои навек теряя без возврата.
«Шеол, Шеол, кто у тебя богатства отнимает?
Гиезий крал, был уличен.²¹ Но каждый день я хищу,
А кто возмог меня схватить? К больным царям крадусь я,
Которых охраняет, вокруг сомкнувшись плотно, стража,
Врата надежно стерегут привратники с оружием,
Но все же души я царей беру и похищаю.
Бесплодные среди людей скорбят, живут в печали,
Ликует только лишь Шеол в своем бесплодье вечном,
Нельзя никак рождать ему, иначе опустеет,
Он обречен, чтоб в лоне хлад бесплоднейший гнезвился,
И ни одно рожденье он вовек своим не явит.
Ревекка, в чреве двух прияв, томила от страданий,
От болей смерть звала к себе.²² Шеола муки пуще!
Неведомые муки он познал чадорожденья:
Как эмбрионы, мертвецы в нем вострепнулись разом,
Терзая лоно, все они стремятся на свободу.
То не Исайин ли глагол, пророческое слово,
Услышан, принят слухом здесь, и принят во вниманье?
Исайя встал и произрек пророческие речи:
„Кто слышал таковой глагол? В один ли день возникла
Страна? Рождался ли народ за час?²³ Да было ль это?“
Или сокрыт конечный смысл Исайи слов?
Иль тени Те словеса? Но, верно, лгу себе, что я царица,
Не ведая, кто ныне я, заточник иль охранник?»
Речения я слышал два священного Исайи,
О них все спорили, и спор ведется тот доселе.
«Приимет в чреве и родит святого Сына Дева»,²⁴
Еще изрек: «И персть родит, ведь Он рожден от Девы».
И забеременел Шеол, и разродился Богом.
И вопреки природе вдруг два лона изменились:
И Девы лоно процвело, и чревеса Шеола.
Для Девы радость, ведь она родила миру Чадо,
Шеолу горестная скорбь, ведь муками терзаем
От воскресенья мертвецов в рожденьях к новой жизни.

5

Езекииля²⁵ я узрел на пустыре равнины²⁶
Всем мертвым даровал он жизнь, приказывал скелетам,

И видел я: груды костей, затрепетав, ожили.
Вот слышен стук костей сухих во сумрачном Шеоле,
Подружку каждая свою по стуку обретает,
Сустав же всякий своего товарища. Не спросит:
«Где ж он, мой друг? Сживятся ль вдруг разбросанные кости?»
Нет вопрошаний. Иисус всем даром жизнь дарует.
Вселенной всей Его лишь глас звучащий управляет.

6

О, скорбь Шеолу, он узрел, как мертвецы ликуют,
Страдальцев сонм весельем полн, нет ни в одном печали.
О Лазаре Шеол рыдал: «Как смело он уходит!
Шагай же с миром, о мертвец, живой и полный жизни,
Два раза был оплакан ты, пред гробом и во гробе:
Рыдали сестры, когда он входил в мои владенья,
Во мрак могильный, плач второй – мой собственный, когда он
Покинул сумерки гробниц, оплаканный живыми,
Он воскресает, я, Шеол, вовеки не утешусь.
Теперь вполне я боль познал навечно расставаясь,
Возлюбленный, уходишь ты, я проливаю слезы.
Шеол пристрастен к мертвецам, привязан к ним жестоко.
Как дороги тела их тем, кто их родил, – их крал я,
И раздробил на части их, но ныне их лишен я!
Какая боль – разлуки страсть со отроком желанным,
Который ныне встал, воскрес, меня лишив надежды.
Я разделен навеки с ним, я чахну, я в горячке.
Благословен, Кто над вдовой вдруг сжалился, и чадо
Единственное ей вернул, под кров мир возвративши.²⁷
Та безутешнейшая боль, которую принес я
Всем людям через смерти тех, кого они любили,
Как часть скалы мне на голову вдруг рушится всем весом.
Люди покинули Шеол, все как один воскресли.
О пытка! – я теперь один. Возможен кто спокойно
Взглянуть на лик Шеола днесь, измученного скорбью?
Господень глас открыл гробниц заброшенные склепы,
О, град Шеол опустошен, все жители бежали.

9

Кто книг немало перечел пророков, тот внимает
О войнах праведных словам; кто зрит на Иисуса,
Тот познает саму любовь, святое милосердие.
Кто говорит, что Иисус мало кому известен,
Мне самому, Шеолу, в том наносит оскорбление.
Другому не дано ключу открыть врата Шеола,

Лишь ключ Создателя, Творца, открыл их без усилия,
И так оставил ради лишь прихода Иисуса.

10

И кто способен соединить растерзанные члены,
Кроме той силы, той, что их первично создавала?
Кто может во одно собрать разрозненные части,
Что образуют тело? – Тот, Кто создал их. А образ
Возможен кто восстановить, если не перст Господень?
Он создал, Он же и разъял, но обновить способен
И к жизни новой воскресить. Ведь бог другой не может
Познать творенья, воссоздать, если они чужие».

11

Если бы кто нашелся здесь, иная сила жизни,
Я повелел бы ей скорей спуститься в мрак Шеола,
Проникнуть до его глубин и обозреть всё разом.
Ведь Бог един, а мертвецы, конечно, заблуждались:
«Есть множество богов» они считали, но в темницах
Шеола узники, они в обратном убедились.
Их боги не смогли забрать страдальцев из Шеола.
Я ж ведаю, что Бог един, Единый и Всесильный,
Апостолов Его хвалю, пророков воспеваю.

Гимн XXXVIII

Благословен! Шеола узникам Твой Крест дарует жизнь!

1

«В Шеоле Смерти прочен трон, он утвержден издревле,
Один лишь вырвался Мертвец, низринул трон Шеола.
Меня страшится человек от самого рожденья,
А мне не страшен ни один. Страх и волненья точат
Живых, а мертвым дарит Смерть покой и безмятежность.
Один замученный и смерть принявший, вдруг вмешался
В Шеола царственный закон. В темницы заточила
Беззвучные я всех людей, но схвачена в тюрьме сей
Одним из узников, меня лишил Он прежней власти,
На свет свободы вывел Он печальных заключенных,²⁸
И к Рая горним высотам возвел Он их, ликуя.

2

Для многих я причина слез, немолкнущих стенаний,
А плачу ради Одного, страдая безутешно.
Ну разве кто-то из людей, как я, быть может честным?
Или достигнуть чистоты такой, как я достигла?
Я благородна, всех людей люблю я без изъятья,
И даже тот, кто на меня напраслину наводит,

Признает: что от века я ни у кого ни взятки,
Хотя давали, не взяла. И у царей владыхных
Себе ни малости не взяв, о равенстве вещаю.
Владык богатых, челядь их, одно, в Шеол влеку я.
Узнайте – Богу я служу, моя почетна служба,
Я не предвзято суд вершу, тружусь не за награду.
Кто мог бы вынести все то, что выношу века я?
Глумятся часто надо мной, но, несмотря на это,
Творю добро и раздаю я всем свои подарки,
Их возвращают мне во мрак, в гробах – обертках пестрых.
Мои труды на благо всем, но все меня поносят.
Пускай! Поистине мой дух покоен, безмятежен.
Утешен Богом – Смерти дух – покорнейшей служанки,
Хоть каждый день переносу гоненья и попреки.
Я избавляю старцев всех от дряхлости, болезней,
Детей – от всякого греха, кипенья крови юной,
В Шеоле тайная борьба добра со злом уходит,
У нас здесь вовсе нету зла, один покой беззвучный.
Небес заоблачная высь и мой Шеол подземный
Не ведают о зле. Лишь здесь, на этой персти жалкой,
Зло обитает и растет. А тот, кто бросил землю,
Переселяясь в мир иной, на небеса взмывает.
А коль не в силах, то в Шеол нисходит, всем доступный.

5

Ведь если Смерть вдруг посетит какого человека,
Его все утешать бегут, все слезы утирают,
Меня утешит кто теперь? Моя обитель мрака,
Как область смерти, мертвецов исполнена несчастных,²⁹
Но ни один не пожалел меня хотя бы словом.
Лишь дэмон мрачный буркнул мне: „Будь проклята от Бог
Хотя Марии Сына он растоптан был пятами,³⁰
Свою гордыню он хранит. А Змий великий молвит,
Подавлен: „Лучше было б мне пасть ниц³¹ в благоговенье
Пред Иисусом, Тем, Чей Крест меня поверг навеки“».

6

Змий молвил: «Только Он прейдет порог Шеола мрачный,
Я встану, словно Иоанн, провозгласив пред всеми:
„Смотрите, воскрешает Он всех мертвецов несчастных!“
Я Твой слуга, о Иисус, ведь плоть Твоя скрывала
Небесный пламень божества. А я хулил, кощунник!
Не гневайся, о Сын Царя, Твоих сокровищ страж я.
О, прикажи, свои крыла раскину я бесшумно,

На них стремительно несусь по Твоему приказу
В любой земли, в любой страны далекие пределы».
Не все, воскреснувшие в жизнь, начаток первородных.
В Шеоле первородным был Господь наш и Владыка³²
Как может мертвый, мне скажи, сам упредить ту силу,
Что воскрешает мертвецов? Но был последний – первым³³
А младший – старшим. Первым был в рождение Манасси́я.
Но как исхитил старшинство Ефрем³⁴ скиталец бедный?
Ведь если старшим младший вдруг становится законно,
То в воскресеньи стал Господь, Сын Божий, старше смерти.
Пришел глашатай, Иоанн, познавший безусловно,
Что сам идет после Того, Кто прежде путь проделал.
Так Иоанн изрек: «За мной ступает Муж, Который
Стал впереди меня уже».³⁵ Как мог пророк стать первым
Пред Силой, Коей он приход вещает велелепно?
То, что имеет бытие ради того, что прежде,
Всегда последует ему, но впереди стал Бог наш.
Причина, Кою Иоанн измолвил, возвестил нам,
Она древнее, чем пророк, Первопричина мира.

9

Адам был прежде, тварь же вся сотворена ему лишь.
Создатель горний взор бросал лишь только на Адама,
Когда вселенную творил. Еще не сотворенный
Адам был старше твари всей, сим старшинством предельным
Владеет наш Господь, Христос, во божестве Христовом
Все человечество Его, Он – вечности Отчизна.
Слава Христу, Отцу Его – через сыновство Сына.

10

Хвала Тебе, ведь первый Ты, Спаситель мой, Владыка,
И в божестве Своем святом, и в человечьем зраке.
И даже если Илия взошел на выси первым,
Опередив Тебя, не смог Желанного достигнуть,
Которого он так искал. Но вот Твоей священной
И горней истины явлю пример и образец я!
Свидетельство ее одно, неложно, постоянно:
Тайн череда всегда ведет, пускай непостижимо,
К самой реальности. Вся тварь была сотворена
Им Прежде Адама, но Адам предшествовал всей твари.
А посему лишь для него и создано творенье.
Господь, мне даруй вечный свет святого Воскресенья,
Ради любви, любви одной, не ради только смысла.
Твоею волей властно Ты насильно возвращаешь

Ко мраку жизни грешных всех, к мучительному свету!
Искариот бы предпочел изведать смерть в Шеоле,
Чем жить в Геенне и страдать. В Твоем лишь милосердьи
Ты воскреси меня, Господь, а если правосудье
То не изволит, пусть Твоя меня осудит благость.
В Твоей лишь благости святой Ты обо мне вспомнишь,
Ведь на нее я возложил все упование, грешный.

Гимн XXXIX

Благословен, Чей горний глас Шеола skleпы расколол!

1

«Я получала, и не раз, от праведников раны,
Но ни один мне не нанес таких, как Сын Марии,
Жестоких и глубоких язв и нестерпимой боли.
Да, дня сияньи Илия открыл когда-то труп,
Мертвец предел покинул мой, но я не горевала,
И вновь утешилась сполна, поймав его вторично,
Ведь возвращенье в жизнь еще от смерти не хранило.
Двум мертвецам дал Елисей, Сафатов сын³⁶, сокрыться,
Двумя касаньями жезла свершил побег их тайный.
Одним касаньем я его восхитила из жизни,
Взмахнув жезло́м своим, его у мира я украла
И с ними трупы тех двоих, что он ко свету поднял.

2

Мученьем был Гиезий мне, когда я увидала,
Как возлагает он свой жезл на мертвый лик младенца,³⁷
Гиезий-вор забрал свой жезл и мир живых покинул.
Явился Елисей-пророк, смиряясь, возрастал он, –
Сей удивительнейший муж во глубь пустынь сокрылся!
Но я его и там нашла, поймала взглядом облик
Того, кто жизни светлость дал угасшему дитяти.
Ах, как я счастлива была, хотя бы и на время,
Не ведая, что мертвецов мятеж меня низвергнет.
В смятенье свет узрела я на лице Моисея,
Сиянья славы. Первый взгляд исполнен был смущенья,
Зато второй бесстрашен был, последний, смертоносный.
Когда явился Моисей, весна цвела в Шеоле!
Паслась на нежных трупах я, как на лугах привольных,
Шестьсот ведь тысяч³⁸, как один, тогда расстались с жизнью.
Тогда презренный Иисус, и кроткий, и бессильный,
Ничто не значил для меня. Пускай больных целил Он,
Расслабленных Он поднимал, и множил люду хлебы...
А ныне хлеба нас лишил, отнявши пропитанье,

И Смерть и сумрачный Шеол познали муку глада.
Сколь громким было торжество безлунного Шеола,
Когда я в бездну низвела всех сыновей Корея.
Мне Сатана великий пир устроил и роскошный,
Когда левитов разделил.³⁹ То крин медовомлечный
Забил мне из песков пустынь. И грешных мириады
Втекали в сумрачный Шеол. А ныне правых толпы
Живыми из него грядут к сиянью горней жизни.
Да, Моисей в Шеол низверг живых, в ловушку смерти,
Но воскрешает Иисус, и мертвые восходят
От смерти к милой жизни вдруг, восстав из рва истленья.

5

О, сколько счастья дал мне день фанатиков-зелотов,
Они насытили меня клинков багряной влагой!
Ревнитель Финеес, пронзив стремительною медью,
Мне на конце копья принес изысканное блюдо.⁴⁰
Сплетенье сладострастных тел Зимри́ и нежной Хазвы
На вертел насадили мне – тельцов двух тучных разом.
И так вкусила Хазву я, начальникову дочку,
Не тронув Иаира дочь,⁴¹ что Иисус похитил.

6

Кадила Аарона дым⁴² меня повергнул в ужас –
Его меж мертвых и живых победно утвердили.
Но худшим был мученьем Крест, отверз гробов он входы⁴³.
Он, Крест, который гибель нес святому Иисусу,
Сгубил меня. Стыдится ль тот воитель поражения,
Над кем победу одержал могучий ратник смелый?
Но я испытываю стыд моей сильнейшей скорби,
Ведь власть повержена моя Мятежником распятым.
Я Финеесовым копьем печали улучила:
Остановило острие чумы набег ужасной.⁴⁴
Тот меч, который охранял от века древо жизни,⁴⁵
Меч утешенья и скорбей, лишил Адама Рая.
Дрот Финееса отдалил народ от смерти лютой.
Но копие, что на Кресте пронзило Иисуса,⁴⁶
Какою мукою меня пронзило нестерпимой!
Христу был нанесен удар: я тяжко восскорбела.
Из Иисуса истекли кровь и вода по смерти:
Омытый ими, жизнь обрел Адам и в Рай был принят.
Жрецами моих уст живых являлись Саддукеи.
За мыслью гнались моей ученые их споры,
Им предводительницей я, Смерть мудрая, служила:

„Нет воскресения“ – они уверенно вещали.
Но Иисус ответил им словами из Писанья.
Постигла я ответа смысл, и возопила в страхе:
Он рек: "Я Авраамов **Бог**, живых, а не истлевших!"»⁴⁷
Я ликовала бы тогда, когда слова простые
Реченья звучного Его остались только сказкой.
Но Он на деле воскресил истлевших трупов ткани,
И все деянья вопиют Его о Воскресенье.

9

Против тридцати царей восстал Навина отпрыск,⁴⁸
Всех заколол тот Иисус, наполнив мрак могильный,
И переполнив склепы все гниющими телами,
Опустошив Иерихон, в Шеол направил толпы.
Но вот явился Иисус, опустошил гробницы,
И населил Небесный Град.⁴⁹ Есть сходство между ними
Лишь только в имени лица, не по деяньям вовсе!
Ахана⁵⁰ первый подарил, царице трупов – вора,
Второй же Лазаря потом исхитил из Шеола.
Со справедливостью добро слилось в Моисее,
Он Египтянина сразил,⁵¹ но спас народ невинный.
Но заповедь иная всем пришла от Иисуса:
„Кто даст пощечину тебе, тому подставь другую
Смиренно щеку“.⁵² Убегай от ненависти лютой,
Не будь зелотом, ярым львом, фанатиком холодным,
Который мучает и бьет, лишает жизни злобно,
Но милосердья красоту ты покажи святую.
Так гордый Самуил казнил несчастного Агага,⁵³
А Иисус наш исцелил расслабленного словом.⁵⁴
И оскудение росло святого милосердья,
А ныне изобилен плод его несокрушимый.
Но и сейчас порой его жестоко ненавидят:
„Не следуйте, – рекут, – словам и нраву Иисуса,
Будьте безжалостно крепки!“ Саул, Ахав убиты
Как проявившие приязнь к несправедным и скверным,
Смерть наказанием для них заслуженным явилась.
Но изменились времена, по-новому глаголет
Язы́кам ныне Иисус: „Да будет жив всяк смертный,
И даже жалость пусть явит ко своему убийце“.

12

Я и Самсона помяну, сего младого скимна,⁵⁵
Что истребил онагров всех и одарил столь щедро
Дарами всех Филистимлян; реку об Авенире,

О сыне Нира, том, что был воинственным владыкой,⁵⁶
Кто быстрой серны взявши след, младого Асаила,
Саруи сына,⁵⁷ увлечен кровавой был охотой:
Пронзен был дерзкий Асаил и распростерся в прахе.
У жертвенника Ванея, презревши святость храма,
Творя возмездие, убил жестоко Иоава.⁵⁸
О сем Писание речет: прочти и поразмысли.
Но в ножны ныне прячет меч разящий справедливость,
Раскаявшихся хоровод беспечно пляшет с Благом.

13

Давид смирил моавитян, и вервию отмерен⁵⁹
Жестокий рок их, и они лишились милой жизни.
Ты милосерден, кроток Ты, о горний Сын Давида,
Тому, кто карою двойной возмездие удвоил,
Отмерив вервий двух на смерть захваченным отрезки,
Одним же вервию на жизнь мужам – промолвил тихо
Давида пренебесный Сын: „Прости своему брату
Семь раз по семьдесят“. ⁶⁰ Давид отмерил справедливость.
А Иисус Сам есть добро, не знающее меры.
Давида долею была пылающая ревность,
Он убивал жестоко льва пустынного и волка,⁶¹
Оставив скимна, принял он единоборца вызов
Могучего, и из пращи стремительным осколком
Сиянье дня он угасил нежданно Голиафу,
Жизнь отлетела от него, его направив к смерти,
Но Иисус, возвысив глас, ко трупу обратился:
„О юноша!“ ⁶² Ведь для Него как спящие, кто умер.⁶³
У смерти юношу украв, Он дал ему свет жизни,
Но утопил в морских зыблях больших озер пустыни
Он отвратительных свиней, исполненных порока.⁶⁴

15

Златой телец причиной был того, что смерть левиты
Несли и братьям и отцам,⁶⁵ родную кровь презревши.
Так Иеффай своей рукой зарезал дочь родную,⁶⁶
Царь Моавитский на стене принес кровавой жертвой
Младенца-первенца,⁶⁷ свое дитя не пожалевши,
Во утешенье взяв лишь меч. Но Иисус, пришедши,
Взял в долонь меч и острие вдруг затупил любовью.
Сестру Шеолову смирил – Горячку обездвижил,
И теща поднялась Петра, и здоровье стяжала.⁶⁸
Шеол же в немощь тут же впал из-за целений Божьих,
Из-за чудес, что Иисус свершил по милосердию.

Провозглашает доброту всем Иисус священный,
 Сын Справедливого Отца приносит справедливость.
 А для меня вся доброта Его – одно мученье.
 Ведь ревность черная всегда мила мне и любезна,
 И радость для меня дарит. Ведь пролилась когда-то
 Кровь первая из-за нее... И в чем моя ошибка,
 О Сын Марии, для чего ж Ты повелел всевластно:
 „Не емли гнев на своего ты родича и брата,⁶⁹
 Не вынет острый меч из ножи любимый брат на брата“,
 Ведь Каина клинок мне был крушцовый первым счастьем.
 Мед в трупe львином⁷⁰ вдруг обрел Самсон, могучий воин,
 Знамением чего была та сладость, что точилась
 В останках жизни? Иисус знамения умножил:
 Тону я в бездне тайн Его: о воскресеньи притчи,
 Как сени беспокойный зрак, как образ говорящий.
 „Из пожирающего вдруг снeдь чудно появилась“, –
 Загадку задал всем Самсон. Загадка поменялась:
 „Се, пожирающее смерть, из смерти выступает“,
 Из моей снeди вдруг пришло ядущее меня же:
 Меня пожрал Адама Сын, рожденный от Адама.
 Порою ранили меня все праведники словом:
 Они, ликуя и шумя, рекли о Воскресенье,
 Но сила утешенья их к моим слезам мешалась:
 Молитвы Аса⁷¹ воссылал, моленья Езекия
 Свои ко Господу стремил, и смерть их отлагалась,⁷²
 Но страстно трупов их ждала; вот Илия зарезал⁷³
 Вааловых жрецов и мне принес их у потока,
 Сиих откормленных на зло Иезавели хлебом.
 Но я навыкла голодать, всех яств меня лишили
 Сами́ же праведники: я алкала и скиталась.
 То Иисус заставил все, что проглотила, алча,
 Назад ко свету изbleвать, людей сладчайших блюдо.

Кровь очистительная мне как ужас неизбывный,
 Помазал ею Моисей домов Еврейских двери,
 И агнца сохранила кровь от смерти в них живущих.
 Но что для Смерти значит кровь – кроме кровавых знаков
 На косяках дверей домов и на Кресте страданий?
 Се – наслажденье для меня, се – фимиам убитых,
 Благоуханье мертвых тел и таяние трупов.
 Но кровь, что Иисус пролил, мне навеваеt ужас.

Когда вдохнула запах я ее невыносимый,
Дух Жизни, веющий над ней, исполнил меня страхом.

20

Все те священники, цари, помазанники Божьи,
Что были у истоков тайн святого Воскресенья,
Не обрели, подъявши крест, ни малого богатства.
На их главах венцы лежат, сверкают диадемы.
И все же мне нанесены ответные удары.
Сын плотника⁷⁴ увенчан был терновой диадемой,
Но сокрушил мою главу, Смерть нагло обезглавил,
Хоть умаленье Он приял и гибельную участь,
Его священный лик поверг Шеол во страх и трепет.
Лик Моисея испугал валы морской пучины,
Заставил море отступить во трепете пред жезлом,
Что славой Божию блистал в деснице у пророка.
Его величье зрела я, жезл дивный, власть от Бога,
Что разбивала крепость скал. Шеолы гробницы
Разбил несчастный Иисус, смертельно бледный, чахлый,
Ни вида славы, ни зарниц, ни горнего сиянья
Тогда ведь не было на Нем, но и в таком обличье
Он страх у Смерти вызывал. Цвет мертвенного лика,
Цвет самой смерти поразил Шеол, как блеск оружия...
Так мертвый Бог Шеол убил. И что грозит в дальнейшем
Во славе Иисус грядет дать жизни цвет умершим».

Гимн XL

Благословен, Кто в прах разбил Шеолово коварство.

1

О, сколь велик жестокий стыд и унижение много
Коварнейшего Сатаны, презренного от Бога!
Но перед слугами стоит, исполненный гордыни,
Он окропляет их из уст изящными речами,
Красноречивостью своей безмерной убеждает:
«Моя премудрость частью лишь порождена природой,
По преимуществу она – плод опыта бесценный,
Пожалуй, даже целиком – есть результат познания.
Я все познал, конечно, сам. Я рассуждал, я мыслил,
Я без учителя стяжал всей мудрости обширность,
И вот я в знаньях, как в броне, вооружен отменно,
Я весь исполнен блеском лат безмерного величья.
О, род людской, меня лишь ты и увенчал победой,
Познание мое венцом сверкающим украсив.

2

В наряд мой ненависти все оделись фарисеи,
Во облачение зла они напали на Марии
Святого Сына; гнев внушил я им жестокомрачный,
И он низвергся, словно град из острых дротов метких
На Иисуса. Дерзость их гналась за Ним, несчастным,
Бросалась хищно ярость их, их клевета томила,
Как тяжкий гнет она Его всечасно истощала,
Их зависть, гнев, фальшивый пыл, что „ревностью“ зовется, –
Ревнивость хищная, – все, все, сражалось с Ним нещадно,
Их богохульственная желчь в Него метала глыбы.
Он, Врач, пришел к Своим больным, принес с Собой целенье,
Я ж побудил восстать больных, чтобы Врача низвергли.
Но нечувствителен Он был к жестоким обвинениям.
И я прибегнул к клевете, я спрятался за нею,
Его-то я оклеветал и ложь свою умножил,
Но вижу: лжи моей цветок, увял, иссох, а дерзость
Увы, распознана моя, и словеса презренью
Мои навеки отданы. Но кров себе нашел я,
Укрывшись в двойственности слов, в двусмысленности речи.
Речей тенеты я к Нему направил фарисейских,
Я в силлогизмах уловить решил Его искусно,
Но труд мой долгий, словно пыль, в луче сверкнув, растаял,
Соломинкой, игрушкой он бессмысленной остался.
А **Истина** Его, как свет, распространилась всюду.
Атлета видел одного, могучего владыку,
Блистал он мастерством своим, велик в искусстве брани,
И даже Змий, что вне миров, его страшится силы.
Но ярость правит всей его склонностью сокрытой,
Несдержан и разнуздан нрав, змеиному подобный.
Он смертоносными объят желаньями. Страшится,
Боится лихорадки он, горячечного бреда.
Но взял лекарством для себя отказ от исполнения
Священных заповедей он. И вот, его насмешка
Разит безжалостно и бьет и превращает в пепел,
А страсть любовная крушит и разрушает тайно,
И ядовитейший язык, горчайшее стрекало,
Он прячет под покровом уст, готовое к убийству.
Но не безумней он того, кто о презренном крове
Радеет больше, чем о всей душе своей несчастной.
Он проверяет каждый день мешков своих сохранность,
Над содержимым их, глупец, он, одержимый, чахнет.
Но моль незримая, как струп, скрывается на теле.

Готовит роскошь он одежд с изящной окантовкой,
Но повисает дух его разорванной хламидой.
Покои освещает он обилием светилен,
Но сердце держит он во тьме и беспросветном мраке.
Завесы открывает он на окнах, только чувства
Свои он запер и закрыл. И прочно он смыкает
Дверей затворы, сторожит он нажитые деньги,
Но уст распахнуты врата, и мысль, как-будто птица,
Выпархивает и потом далёко улетает.
Безумец, ценит он свою скотину даже больше,
Чем самого себя. О ней печется он поболее
Своей несчастнейшей души. Он землю засекает
Свою отменнейшим зерном, отобранном с усердьем.
Но в сердце плевел и бурьян один разросся пышно,
Рассудок брошен и забыт, растоптан и поруган.
Он в поте виноградник свой оградой обносит,
Заботливо он черенки лозы получше ищет,
А ум его как плеть лозы Содомских вертоградов.
Мул и ступить не смеет здесь, ему любезной нивой,
Но вепрь чащобный роет ум, обгладывая мысли.⁷⁵
Для смертных – тигель жаркий я и расплавляю разум.
Рассудок жарко распалив, исследую желанья:
Чарующий обманный блеск отлитым мной игрушкам,
Как стеклодув халдейский, я передаю искусно.
Я прибавляю правды часть, и лжи моей изящной
Конечно, верят. Ослепил Египет я жестоко –
Я рой мошек показал, ничтожных насекомых,⁷⁶
Они поверили тотчас не бывшему с охотой.
Застлав им очи, обучил их знакам Зодиака,
Хотя тех знаков отродясь на небе не бывало.

8

Стремительно взлетаю я и наблюдаю зорко,
И предсказателям реку все то, что происходит,
Они, обманутые мной, зовут меня „пророком“.
Я дерзко пред собой раскрыл в одно мгновение вещи,
Сокрытые от смертных глаз, окутанные тайной.
Я подтвердить и то могу, что истинно, – доверьтесь,
Так было с Иовом, – и ложь, и так с Саулом было.
Саулу зримым сделал я пророчество несчастья,⁷⁷
Иов блаженный, как металл под полировкой муки,
Сияньем ярким возблистал⁷⁸ и этим был прославлен».

Гимн ХLI

Благословен, Кто козни все лукавого разоблачил.
Диавол-искуситель рек: «Страшусь я Иисуса,
Ведь Он уничтожает все плоды моих деяний.
Я сотни тысяч лет назад рожден был, непрестанно
Творил без роздыха и сна зеницам не давал я.
Все, что задумал, совершил, ни разу не дал маху,
Всех совратил и отдал лжи. А Он приходит нагло,
И развращенных мной опять Он делает святыми.
О, что за скорбь! Какая боль! Крушит мои творенья.
А сколько требует труда, и знания, и усердия,
Чтоб вышить тонкий зла узор на глади мироздания,
Украшив ткани бытия сей вышивкою адской.
Соревновался в беге я с быстреешими из смертных.
Я превзошел их всех. Я был воителем искусным.
Мое оружие – ропот толп и возмущенье сонмов.
Волнение начало есть. Затем вступает в силу
Звериная свирепость масс и ярость лютых множеств.
Объединил их, обязал и вдохновил их буйство,
Я гору до небес воздвиг долонями ничтожеств:
Ушла громада в облака, превыспренная башня.⁷⁹
Сражались зодчие тогда: был брошен вызов небу!
Но смогут ль сотни одолеть Сего на персти брэнной?
Века минуют, времена. Сменяются и слуги
Мои, поэтому всегда различны нападенья.
Вот раз Израильский народ «Господь един!»⁸⁰ услышал.
И сей народ себя явил божественным собраньем.
И, Сына Божия узрев, обрел покров и силу
В Едином Боге, мысля то, что Бог – един и вечен.
Но и в прибежище своем он забывал о Боге.
Он знал, что Бог един всегда, и о Едином Боге
Влекомый ревностью, вещал он пылкими устами.
Но большей частью сей народ был глубоко порочен.
Без Бога Бога возносил, не зная о Едином.
Рожденный прежде всех эпох, я стал с людьми искусен:
Всегда я обожал детей и ими не гнушался.
Я много времени на них, поверь, доселе трачу.
С рожденья самого я в них укореняю скверны,
Привычки мерзкие ращу, наклонности дурные.
Изъяны, недостатки их возрастают вместе с ними,
Пороки множатся у них, плоды лихих привычек.
Но неразумнейших отцов, порочных до предела,

Не беспокоит в детях их убийственное семя.
Иные, умные, всегда, как добрый земледелец,
Искореняют чад своих душевные изъяны.
Людская леность – не найдешь узды, ее крепчайшей.
Оковываю я людей цепями праздной жизни.
Их чувства я обворовал, добро унес с собою,
От книг их очи удалил, уста – от славословья.
Без Богомыслия их ум оставил я. Усердые
Питают к басням суетны́м,⁸¹ искусны в пустословье.
Когда является вдруг им святое слово жизни,
Отходят от него они, отвергнув с возмущеньем.
О, сколько демонов, смотри, роится в человеке!
Но человек лишь одного клянет Сатаниила.
Гнев человека – демон злой, коварный, неотступный.
Ведь этот демон каждый день на смертных нападает.
Скитальцы демоны, поверь: коль принимают плохо,
Иль гневно оскорбляют их, уходят, опечалясь.
Но демон гнева не таков, его так не прогонишь:
Внедряется он вглубь души, глубоко пролезая.
В душевной темноте живет и в час, когда святые
Его наружу гонят, вон из сердца человека.
За ярость, вызванную им, убийственное мщенье,
Всевечно ненавидим я, диавол, порицаем,
Хоть сам я по себе, увы, болезненно печален,
И немощен и жалок я, отчаянно безволен.
Позор всем магам и волхвам, искусным чародеям
И тем, кто заклинает змей, кто с аспидом играет!
Те, заволакивая змей, всяк день их укрощая,
Не могут кобру покорить, что в их душе гнездится.
Собой не могут овладеть. Грех, скрытый в них, как аспид,
Взметнувшись, убивает их. Пусть властно заклинитель,
Берет рукою кобры плоть, в искусстве безупречен,
Но **грех**, шипя, наносит вдруг удар смертельный в спину.
Его заклятья – змей тела приятно расслабляют
И умирляют хищный нрав и ток смертельный ядов,
Но чародейство, что вершит искусный заклинитель,
Против него священный гнев небесный распаляет.
В засаде с дротом легким я сижу и поджидаю.
Кто, мне скажите, терпелив, как я, и неустанен?!
[Вино и дьявольский дурман... Они – мои тенета!]⁸²
С болящим рядом я присел, и вот уж соблазнен тот.
Унынию отдался он. А тот, кто сожалеет

О совершенных им грехах, проступках безобразных,
Не отстает от рабства всем дурным своим привычкам.
Его я медленно влеку в геенну наслаждений,
Чтоб, как на меска, возложить ярем тяжелый сверху,
И принимает он ярем, к нему влечется страстно,
И не желает никогда он обрести свободу.

9

Я выследил того, в ком жил недуг, его учуял,
И уж теперь-то поступлю с ним по своей я воле.
Пускай изведает всего, болезненная жертва.
Я победил Адама ум, он был уединенник,
Я дал ему изведать страсть, а после и отцовство.
Себе занятие я искал, чтоб как-нибудь развлечься.
Исчислил я песок морской, чтоб укрепить терпенье,
А с тем и память испытал, достигнуть совершенства.
И ныне память велика моя и беспредельна,
И разве не под силу ей все множества людские
Объять? Ведь я их сосчитал еще до их рожденья
С песком бушующих морей, с песком зыбей тревожных». ⁸³
Но челядь Сатаны шумит; между собою спорят,
И возражают, и слова сомненью подвергают
Его лукавые, их суть и смысл опровергая.
Они глаголят: «Елисей-пророк вернул дыхание
Умершему, и Смерть сразил он в горнице высокой,
Когда ребенка он вдовы вернул к сиянью жизни.
Но все же сам отбыл в Шеол и не избегнул смерти». ⁸⁴
Но Сатана их победил, им возразив искусно,
Свой довод веский подкрепил их собственной речью:
«Ну разве Елисей-пророк повержен, побежден был?
Хоть сам в Шеоле мрачном он, но кость его во гробе
Свет милой жизни мертвецу таинственно дарует.
Хоть Елисей был ростом мал, плешив был и невзрачен,
Но силою своей велик он в сумрачном Шеоле,
Ведь воскресил он одного из мертвых невозвратных.
Но сколько ж мертвых оживут по смерти Иисуса,
Ведь Он могуществом велик, величию безмерен!?
О, сопоставьте, Иисус сильнее нас, о други,
Ведь Он искусно заманил вас в тайные тенета,
И вы не в силах и объять величья неземного,
Его величье вознеслось над высотой пророков». ⁸⁴
Такие речи Сатаны друзьям его приносят
Едва ли утешенья весть, скорее их пугают.

«Кто жизнь дал телу мертвеца, Кто Лазаря восставил, –
Разве Такой примет смерть? Ведь Он ее сильнее!
Иль будет Смерти Он рабом? Ведь Смерть – Его рабыня
Ах, опасайтесь, друзья! Ведь не была напрасной
Его пугающая смерть. Он, умерев, приидет
Адама к жизни воскресить, похитив из Шеола».
Из логова взирала Смерть, из сумрачных расселин.
О, удивленье! На кресте узрела Иисуса.
«Так вот Ты где теперь висишь, о Воскреситель мертвых!
И Ты, и Ты ко мне придешь, и я Тобой насыщусь:
Любимца Лазаря Ты мне Собой заменишь, милый.⁸⁵
Мои уста еще хранят вкус Лазаря приятный...
Но пусть же Иаира дочь⁸⁶ увидит крест Твой ныне,
Пусть вдовый сын⁸⁷ свой бросит взор на ра́спятое тело.
Был древле деревом пленен Адам в садах Эдемских,
И Древо, то, что обняло, взнесло Давида Чадо,
Благословенно будет впредь, и ныне, и вовеки».
И вновь лукавые уста отверзла Смерть в реченьях:
«О Сын Марии, ныне Ты припомни Моисея:
А был он лучшим из мужей, был всеми почитаем.
Творил божественное он, как Бог, все содержащий.
Израиля старшин убил, спас первенцев невинных,
Он страшный мор остановил. Я на Синай всходила,
На гору след во след за ним до самой той вершины.
Но Бог его мне подарил, из дланей предал в длани.
Да будет Бог благословен, да будет всепрославлен!
Адама сына был удел – единое величье.
Но Моисей от персти взят, и в прах он возвратился».⁸⁸
Ликуя, гордый Сатана со челядью явился,
В Шеол он сумрачный сошел, чтобы узреть, как будет
Туда низвергнут Иисус, низброшен наш Владыка,
Со Смертью, милою своей, возвеселился сердцем.
Но зрит: глаза ее в слезах, скорбит она и плачет.
Что ж приключилось? Горний клич Предвечного раздался,
Как первенца несносный крик. И мертвецы восстали,
Предприняв дерзостный побег из мрачного Шеола.
Лукавый было захотел любовницу утешить.
Шепнул: «Любезная мне Смерть, приобрела ты больше,
Чем потеряла, ведь к тебе Сам Иисус явился.
И прочие, как Он, придут, и те, кто жили прежде,
И те, кто будут жить потом, о, не страдай напрасно.

Яви, любимая, Его нам лик скорей, не мешкай,
Чтоб мы увидели Его и вдоволь посмеялись.
Ему мы скажем, уж поверь: „Ну где же Твоя сила?
Три дня так быстро протекли... И что на это скажешь?“
Еще заметим: „Третий день уже, дружок, опомнись!
Ведь на четвертый воскресил Ты Лазаря, любимца...
Так воскреси ж теперь Себя! Иль не по силам это?“»
Смерть отворила мглы врата глубинного Шеола,
И лик Господень засиял вне мрака Смерти хитрой.
Как содомляне, слепотой поражены все вкупе,⁸⁹
И Сатана, и сонм его, ослепшие, на ощупь
Искали врат Шеолских медь, и всё не обретали.
* * *

1

Вероятно, это были «аномеи», крайние ариане, настаивавшие на сущностной инаковости Отца и Сына; аномеи не были строгими арианами, хотя принадлежали к родственной Арию антиохийской богословско-экзегетической школе Лукиана. Основателем аномейства был Аэтий, начавший свою [проповедь](#) в Александрии (356 г.) и вскоре после этого перебравшийся в Антиохию (Сирия), где имел значительный успех и собрал группу «тиасотов», среди которых особенно выделялся Евномий, впоследствии епископ Кизический. Аэтий рассматривал христианское учение как пространство для диалектических упражнений; учение о Боге излагал при помощи геометрических фигур. Ему принадлежит известная фраза, которую любили повторять его ученики: «Я так хорошо знаю Бога, как не знаю самого себя».

2

Фрагментарно переведены прот. [Леонидом Грилихесом](#): [Ефрем Сирин](#), «Гимн (Мадраша) на Рождество», пер. с сир., вступ. статья прот. [Леонида Грилихеса](#), Богословский Вестник, 5–6, Сергиев Посад, 2006, с. 17–41.

3

Ephraïm или theophania, 6 января.

4

Переведены А. В. Муравьевым: Мар Афрем Нисибинский (прп. [Ефрем Сирин](#)), Юлиановский цикл, Москва, 2006 (серия «Smaragdus Philocalias»).

5

Saint Ephrem, Les Chants de Nisibe, traduction de Paul Fhegali et de Claude Navarre, Paris: Cariscript, 1989.

6

[С. С. Аверинцев](#), Собрание сочинений, т. 2: Переводы: Многоценная жемчужина, Киев: Дух и литера, 2004, с. 11–58.

7

Переведены А. В. Муравьевым: Мар Афрем Нисибинский..., с. 77–135 (см. прим. 4 на с.10).

8

Гимн III воспекает освобождение сирийского города Нисибина, как событие, отзвук которого разносится по всей вселенной.

9

Вероятно, аллюзия на место о покаянии Ниневии: [Ион. 3](#) (не отмечена П. Фегали).

10

4Цар. 6et passim.

11

[4Цар. 7:16](#).

12

[4Цар. 6:29](#).

13

Посредством вмешательства царя; [4Цар. 6:30](#).

14

Имеются в виду три осады, пережитые Нисбином.

15

[Мф. 27:34](#).

16

[Втор. 3](#)

17

[Быт. 3](#)

18

[Быт. 28](#)

19

[Мф. 27:52–53](#).

20

[Ин. 20:12](#).

21

[4Цар. 5:26](#).

22

[Быт. 25:22](#).

23

[Ис. 66](#)

24

Ис. 7

²⁵

Иезекииля; «Езекииля» *metri causa*.

²⁶

Иез. 37:1.

²⁷

Лк. 7:12–14.

²⁸

Мф. 27:52.

²⁹

Рим. 2

³⁰

Быт. 3

³¹

Мф. 4

³²

Кол. 1

³³

Мф. 20

³⁴

Быт. 48

³⁵

Ин. 1

³⁶

3Цар. 19:16–19.

³⁷

4Цар. 4et *passim*.

³⁸

Исх. 12

³⁹

Чис. 16:8.

⁴⁰

Чис. 25:8.

⁴¹

Лк. 8:41; Мк. 5:22.38; Мф. 9:18, 23.

⁴²

Чис. 16:16.

⁴³

Мф. 27:52.

⁴⁴

Чис. 25:8.

⁴⁵

Быт. 3:24.

46

Ин. 19:34.

47

Мф. 22et passim.

48

Нав. 12:24.

49

Флп. 3:20.

50

Нав. 7:1.

51

Исх. 2:12.

52

Мф. 5:39.

53

1 Цар. 15:33.

54

Мф. 9:2.

55

Суд. 14:6.

56

2Цар. 2:18.

57

2Цар. 2:23.

58

3Цар. 2:29–34

59

2Цар. 8:2.

60

Мф. 18:21–22.

61

1Цар. 17:36.

62

Лк. 7:14.

63

Мф. 9et passim.

64

Мк. 5:11–13.

65

Исх. 32:26.

66

Суд. 11et passim.

67

4Цар. 3:27.

68

Мк. 1:30; Лк. 4:38.

69

Мф. 5:22.

70

Суд. 14et passim.

71

2Пар. 14:9–12.

72

4Цар. 19:37.

73

3Цар. 18:40.

74

Мф. 13

75

Пс. 79

76

Исх. 8:18.

77

Ср. 1Цар. 28:7–25.

78

Ср. Иов 23:10.

79

Быт. 11

80

Втор. 6

81

1Тим. 4

82

Строка не читается; здесь – предложенная нами реконструкция.

83

4Цар. 34.

84

4Цар. 13:21.

85

Ин. 11:11–42.

86

Мф. 9:18–26.

87

Лк. 7:11–17.

88

Быт. 3

89

Быт. 19:11.

Источник: *О Воскресении, смерти и сатане / Преподобный Ефрем Сирин (Мар Афрем Нисибинский). - Изд. пустыни Новая Фиваида Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. - Москва : Святая гора Афон; Никея, 2009. - 78 с.*

Толкования Священного Писания

На слова, сказанные Господом: **«В мире скорбни будете»** (Ин.16:33), и о том, что человеку должно быть совершенным

Владыка и Господь наш Иисус Христос, желая, чтобы род человеческий был спасен и избавлен от владычества диавольского, чтобы освободились мы от всех мирских уз, избегли геенны и достигли Небесного Царства, и Сам и через святых Своих апостолов и пророков предупреждает о теснотах и скорби в веке сем, и учит нас не искать себе упокоения в настоящем, говоря: **«В мире скорбни будете»** (Ин.16:33). Подобно этому и апостолы говорят, что **«многими скорбями подобает нам внити во Царствие Божие»** (Деян.14:22). Для того скорби и страдания всех святых, а также и собственные Свои страдания домостроительственного воплощения, какие претерпел Он за нас, грешных, передал нам письменно, чтобы научить нас, что желающему спастись невозможно настоящую жизнь провести в покое или быть в мире сем без искушений и скорбей, потому что ни избежать наказания, ни достигнуть Царствия и насладиться вечными благами никто не может без искушений и скорбей.

Примечайте, возлюбленные: никто не может жать летом, если не посеет зимой, не может обирать грозды с винограда и возвеселить себя вином из гроздов, если заранее, много потрудившись, не насадит виноградных лоз и не будет ожидать плода с них в свое время. Но то же и с нами будет в мире сем, если не отрелись мы от плотских страстей, от плотского образа мыслей и от всего земного, если не будем смирять, умерщвлять и поработать себя вместе с миром, и поступать по учению апостола, как он говорит: **«в терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах (притеснениях)... в труде и в подвиге... во бдениих... во алчбе и жажди, в пощениих, в зиме и наготы»** (2Кор.6:4–5;11:27). И все это перечисляю теперь отчасти, ибо не достанет времени, если бы захотел кто описать все страдания и скорби апостола, морские странствия, кораблекрушения, трудные и опасные путешествия, нападения разбойников, наветы сродников, восстания лжебратий, то, что ежедневно немоществовал он с немощными, **«и по вся дни»** умирал (1Кор.15:31). Все это описал он, как бы говоря о других, но между тем изображая нам собственные свои страдания и всех увещавая с

терпением достигать вечной жизни, давая понять, что желающему спастись невозможно шествовать иным путем.

В скорбях и искушениях почти все свое время проводил апостол. А мы, бедные, не можем перенести и малой скорби и, проводя жизнь в покое и роскоши, надеемся приобрести вечные блага. Как же это возможно? Если желающие приобрести земное богатство терпят всякую опасность и напасть, кольми паче мы, желающие приобрести небесное богатство и наслаждаться вечно пребывающими утехами, обязаны ни во что ставить для себя всякое трудное дело и всякую опасность и отваживаться на искушения. Ибо если не будем охотно, с сердечным желанием переносить всякий труд, не будем с умилением и сокрушенным сердцем сеять слезы, – то как, не плакав здесь, станем пожинать там, или как в радовании обретем **«рукояти»** добродетелей? Пророк сказал не просто о ком бы то ни было, что с радостью возьмет **«рукояти своя»**, но только о сеющих **«слезами»** (Пс.125:5–6), то есть о тех, которые в настоящей жизни смиряют себя, и с умилением, со слезами, сокрушенным сердцем умоляют Господа, и с благодарностью переносят всякую скорбь и тесноту. Они наслаждаются вечной жизнью, и в радости упокоятся в век века. Ибо не просто всякому уготовал Бог столько благ, но тем, которые соблюдают заповеди Его и ходят в повелениях Его. А геенной и прочими мучениями угрожает Он не напрасно, но только тем, которые преступают Его заповеди, поработились плотскими страстями и делают всякое диавольское дело, свергли с себя страх Божий, и нисколько не ожидают будущего. Таковые будут преданы мучениям. Поэтому, как же мы избежим огня вечного, тьмы крошечной, скрежета зубов, червя неусыпающего и всех прочих объявленных нам мучений, иждивая дни свои в покое, в роскоши, в лени, в расслаблении, в нерадении, и соизволяя на неуместные, суетные, нечистые и гнусные помыслы? Как избежим вечного плача, проводя все время жизни своей во всегдашнем смехе и в равнодушии? Господь, называя злосчастливыми смеющихся и ублажая плачущих, сказал: **«Горе вам смеющимся ныне: яко возрыдаете и восплачете»** (Лк.6:25). **«Блажени плачущии: яко тии утешатся»** (Мф.5:4).

Итак, пока еще есть время, от всего сердца своего обратимся к Богу и с плачем, с умилением и с сокрушенным сердцем будем умолять Господа, как говорит пророк: **«Приидите, поклонимся и припадем Ему, и восплачемся пред Господом сотворшем нас»** (Пс.94:6), чтобы избавил Он нас от всех этих зол и сподобил Пренебесного Своего Царствия. Да, возлюбленные, припадем к Нему со слезами, неотступно прося спасения душ наших. Здесь полезны слезы, они угашают греховный пламень. Пока мы еще здесь и обращаемся к Нему, приемлет Он нас, и допускает к Себе, и спасает, и удостаивает вечных Своих благ. А там уже

не приемлет; там правосудие и воздаяние за дела. Только ныне действительны слезные воды, а тогда огонь искусит дела человеческие. Здесь благодетельно смиряться и плакать, а там, отшедшим отсюда, бесполезны будут слезы; будем горько вздыхать и скрежетать зубами, и не будет милующего нас.

Что же буду делать я, нерадивый, расслабленный и ленивый, который говорю это, и слушаю, и другим пытаюсь внушить, сам же следую всем плотским мудрованиям и поработен лукавым помыслам? Увы, улы, душа, почему нерадишь ты о своем спасении? Для чего предала себя суете, и связала себя земными делами, не помышляя о том, что должна ты предстать на Страшный Суд. Приведи себе на мысль страшное пришествие Господне, в трепет приводящее Судилище, и реку огненную. Ибо сказано: **«Река огненна течаше исходяци пред Ним: тысяща тысящ служаху Ему, и тмы тем предстояху Ему» (Дан.7:10)**. Там подвергнемся взысканию не только за дела, но и **«за мысли и помышления сердца» (Быт.6:5)**; там вся нага и объявленна; там невозможно ни найти себе заступника, ни дать даров. Скажи мне, где тогда скроем помышления, слова и дела, когда будут увенчаны святые? Они были скорбны и гонимы в этом веке, переносили всякий труд, посты, бдения, холод, наготу, погружение в водах, претерпели тысячи скорбей и нужд, скитались в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных, лишены были всего временного, терпели озлобления; они однажды отверглись себя и, взяв крест свой, последовали за Господом, нимало не думая о земном; они, живя на земле, приобрели себе жительство на небесах; весь день были умерщвляемы за Христа; и они-то наслаждаются жизнью вечной, сподобятся венца нетления. А я и подобно мне живущие в веке этом будем осуждены и посланы на все эти мучения. Итак, для чего нерадим? Для чего ленимся, и самих себя связываем делами суетными и временными? Какую пользу принесет нам обладание чем-нибудь в веке сем, и не послужит ли это более к нашему осуждению? Что доставит нам человеческая слава? Не обещано ли ей сгореть подобно сену, как ясно вопиет пророк: **«Всяка слава человека яко цвет травный» (Ис.40:6)**. Для чего же следуем обманчивым помыслам, и не разрешим себя от мирских уз и обманчивых помыслов? И если бы только до этого простиралось зло! Потому что это уже есть преступление, служит препятствием к исполнению заповедей Божиих и признаком неверия, как говорит Господь: **«Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит душу свою?» (Мк.8:36)**. И в другом месте говорит: **«Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единого Бога, не ищите?» (Ин.5:44)**. И еще, предписывая нам нестяжательность и желая освободить нас от вещественного, сказал: **«не печытесь душою вашею, что ясте, или что**

пиете: ни телом вашим, во что облечетесь», и представил нам доказательство, говоря: «не душа ли больше есть пищи, и тело одежды?» (Мф.6:25). И еще, указывая нам на ясный пример птиц и сена, сказал: «Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Не вы ли паче лучше их есте?» (Мф.6:26). И еще: «Смотрите крин селных, како растут: не труждаются, ни прядут. Глаголю же вам, яко ни Соломон во всей славе своей облечется, яко един от сих. Аще же сено сеяное, днесь суще и утре в печь вметаемо, Бог тако одевает, не много ли паче вас, маловери!» (Мф.6:28–30). Поэтому, как сказал я, признак неверия – связывать себя этими земными вещами. И если бы только до этого простиралась наша вина! Теперь же облагаем мы себя ужаснейшими бедствиями, усиливаемся совершать преступления, выдумываем тысячи худых дел и различных лукавств, проводя жизнь в злобе, в ненависти, в лицемерии, в коварстве, в тщеславии, в гордыне; клеветаем, ненавидим, и делаем многое этому подобное, угрызая и поедая собственные свои члены. А что еще хуже, имея в себе перечисленные пороки, нередко делаемся судьями других, и вместо того, чтобы оплакивать свои грехи, любопытствуем о грехах других и, оставив у себя без внимания целые бревна, будучи слепыми, чтобы видеть свои пороки, усматриваем и малейший сучек у братии, не представляя пред очи свои ни страха Божия, ни той угрозы, какая объявлена осуждающим. Ибо Господь сказал: «Не судите, да не судими будете, имже бо судом судите, судят вам: и в нюже меру мерите, возмерится вам» (Мф.7:1–2). Отрезвимся, возлюбленные, и не будем делать себя повинными суду и тому осуждению, какое наложено Господом на судящих безвременно и на осуждающих несправедно. И поскольку Господь повелевает еще: «любите враги ваша» (Мф.5:44), то должно нам плакать, потому что столь отступили мы от заповедей Божиих, а хвалимся, будто бы преуспели в важнейшем, тогда как весьма далеки от расположения любить врагов, и даже отвращаемся и ненавидим любящих нас. Ибо, когда злословим не сделавших нам никакой обиды, и выискиваем у них что-либо, чтобы повредить славе их, тогда все это показывает в нас людей весьма ненавистнических и враждебных. Рассуди же, какого зверства будет доказательством, – злословить не только не сделавшего тебе обиды, но даже оказавшего благодеяние? Поэтому, какое же будет у нас основание к оправданию, когда поступаем совершенно противоположно заповедям Господним? Господь везде узаконивает любовь, ибо говорит: «Да любите друг друга, якоже возлюбих вы» (Ин.13:34).

Итак, мы исполнены ненависти, а до этого доводит нас обольщение мира, потому что усилился в нас корень страстей, то есть сребролюбие.

А вместе с любостязательностью невозможно быть любви. Да и как это может быть? Кто пристанет к деньгам, тот ненавидит брата, домогаясь отнять у него что-нибудь: или захватывает себе поле его, или старается отнять дом у ближнего, или волов его, или скот его, или и все, что есть у него, а иногда нередко покушается отнять и самую жизнь. Итак, братия, истребим в себе сребролюбие – корень всех зол, и насадим в себе любовь – мать всех добродетелей. Ибо апостол, исчисляя плоды духовные, и желая показать, что самый большой дар – любовь, сказал: «Плод же духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал.5:22). И еще говорит: «Ныне же пребывают вера, надежда, любви, три сия: болши же сих любви» (1Кор.13:13); ибо, как сказал он, «вся упразднятся» (1Кор.13:8) «...аще ли язы́цы... аще же пророчества», даже вера и надежда; но любовь, по слову его, пребывает вовек. С другой стороны, какие суть плотские мудрования, порождаемые сребролюбием? Апостол отвечает: «блуд, нечистота, студодеяние, идолослужение, чародеяния, вражды, рвения, завиды, ярости, разжжения, распри», (соблазны), «ереси, зависти, убийства, пьянства, безчинии кличи и подобная сим» (Гал.5:19–21). И творящим это апостол угрожает лишением Царства Божия. Поэтому, возлюбленные, будем избегать этих лукавых дел, внушаемых сребролюбием, чтобы не лишиться Царства. Сбросим с себя тяжкое бремя мирских трудов и подклонимся под благое иго Господне, понесем это легкое бремя и приступим к Господу с чистым сердцем, – да упокоит нас во веки веков. Ибо Сам сказал: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф.11:28–29). Не принесет вам пользы попечение века сего, напротив того, послужит более к осуждению и уготовит вам геенну. Никто не может спастись, любя золото. От этого лукавого вожделения Иуда предал Господа и удавился. От него Гиезий стал прокаженным, не послушав пророка Елисея, и, захотев Неемановых денег, наследовал Нееманову проказу, как знак своих грехов. От него народ Иудейский обратился к нечестию, и обоготворил литого тельца. От него Анания и Сапфира подверглись внезапной смерти, утаив «от цены села» (Деян.5:3). Ради него подтверждается ложь, и оговаривается истина; ради него замышляется коварство; ради него возрастает зависть и увеличивается злоба; ради него замышляют друг против друга войны, несправедные убийства и кровопролития. И для чего описывать все худое, возникающее от этого горького корня, когда из-за него и Сам Владыка и Господь наш, Иисус Христос, продан? Итак, не будем следовать этому вожделению, чтобы не впасть в перечисленные выше пороки. Ибо

доказано, что сребролюбие есть изобретатель всякого греха, **«егоже неции желаяще заблудиша от веры, и себе пригвоздиша болезнем многим»**, как сказал апостол (1Тим.6:10).

Поступать так людям, связанным житейскими заботами, домогаться этого ради жены или детей, терпящих нередко невыносимую нужду, бывает еще несколько извинительно, по крайней мере перед людьми; но мы, которые почитаемся распявшими самих себя, которые возложили на себя ангельский образ и обязаны подражать ангельскому житию, которые приняли заповедь пренебречь всякой суетой мира, мы, презрев небесное жительство еще более этих людей, то есть людей житейских, которых мы называем мирскими, привязаны к вещественному и, оставив небо, прилепились к земле и связываем себя мирскими забавами. И какое оправдание будем иметь в день Суда мы, удалившиеся от мирских забот, оставившие сродников, братьев, сестер, дом, служителей и прочие заботы, мы, которые опять, по причине этого лукавого корня, забыв свои обеты, возвращаемся к тому же и гонимся за этим, как сказано, больше людей мирских, а уже вследствие этого впадаем в перечисленные порочные страсти, выдумываем клеветы, хлопчем о пище и покое, и многими путями поспешаем войти в огненную печь и приобрести себе вечный огонь? Господь сказал, **«что узкая врата, и тесный путь вводя в живот»**(Мф.7:14); а мы, оставив этот путь, пустились на широту погибели. И хотя Он также сказал: **«В мире скорбны будете»**, однако же мы домогаемся покоя. Итак, чем оправдаемся перед Узаконившим нам это? Что скажем Ему в день Суда? Представим ли заботливость о делах своих? Но заранее сказал Он, что нет пользы человеку, **«аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит! или что даст человек измену за душу свою?»** (Мф.16:26). Что пользы доставит нам временный покой? Не уготовит ли нам тьму, неусыпающего червя, скрежет зубов, не поставит ли нас наряду с блудниками и всеми, жившими непотребно? От неуместной этой роскоши и от покоя необходимо уже нам впадать и в помыслы невоздержания. Как огонь не может гореть без дров или другого сгораемого вещества, так и немощная злокозненная плоть наша, если не обременена пресыщением, не воспламеняется похотью, но бывает покойна и покорна воле Господней. Поэтому-то святые возненавидели всякий временный покой и не останавливали внимания ни на чем мирском, но все время жизни своей проводили в тесноте, в постах, бдениях, и были строги к себе во всем прочем. За это сподобились они Небесного Царства и упокоены на веки веков.

Итак, умоляю, будем и мы подражателями их, ревнуя их добродетелям, то есть любви, любви к Богу и любви к ближнему, смиренномудрию, кротости, воздержанию, терпению, молитве, нестяжательности,

незлобию, негневливости, непамятозлобию, безмятежию, неухищренности, нетщеславию, непоколебимости нравов, спокойствию духа, неленостному упражнению в молитвах и во всяком добром деле, готовности на всякую опасность и искушение, снисходительности, сердоболию, чтобы за все эти прекрасные дела и нам вместе с ними насладиться вечными благами. Да, возлюбленные, да, отцы и братия, не будем нерадивы; постараемся разрешить себя от мирских уз, чтобы увенчал нас Спаситель вместе со святыми, добре подвизавшимися и ныне подвизающимися. Отречемся от всех плотских мудрований, потому что оные делают нас врагами Богу, ибо сказано: «**зане мудрование плотское вражда на Бога, закону бо Божию не покаряется**» (Рим.8:7). Возненавидим мирскую приязнь.

Давид, молясь, говорил: «**Скорби сердца моего умножишася, от нужд моих изведи мя**» (Пс.24:17); говорил это тогда, когда благодетельствованный им и, по благодати Божией, избавленный от иноплеменных Саул не переставал гнать его и искать смерти его, не видя от него ничего худого, но одержимый только ужасной завистью. Что же должен был сказать, когда проклинал, уничтожал его Семей и бросал в него камнями? Или когда происшедший от него преследовал его и спешил умертвить его, когда отважился он на самое нечестивое дело и к уничтожению отца вознеистовствовал на жен его? Какие это болезненные скорби! Но Давид претерпел все это ради жизни вечной, и сказал: «**Терпя, потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою**» (Пс.39:1). Поэтому и прославлен он паче всех людей, наречен отцом Христовым по домостроительству воплощения от Святой Девы и вочеловечения Спасителя и, проведя все время жизни своей в скорби, соделался наследником Небесного Царства.

Кто же в состоянии изобразить житие блаженного Илии? Ибо он так жил на земле, что и до преложения (переселения) почитали его живущим на небесах, сожительствующим с бесплотными Ангелами. Он вовсе не имел стяжания на земле, прикрывался одной милотью, и был страшен для облаченных в диадему и багряницу не крепостью телесной, но силой нестяжательности и воздержания, благодатью Всесвятаго Духа, которую приобрел прекрасным житием. Он, ничего не имевший у себя и всем обладавший, отрекшийся от всякого покоя в веке сем и повелением своим разделивший реку, приказавший небу три года и шесть месяцев не давать на землю дождя, избегавший всякой суетной славы века сего, росой воздержания потушивший греховный пламень, никогда не имевший плотских мыслей, обличавший вред лжеименных пророков, заклавший жрецов Вааловых, три раза повелевший огню сойти с неба, попавший неверных, обличивший царя в развращении, столько имевший дерзновения и свободы в слове,

связавший облака, – он, столь великий муж, не без скорбей и искушений прожил на земле, но по совершении стольких чудес, уstraшенный женой, стал беглецом и скитальцем, принужден был сорокадневный путь совершить, постясь; но и после этого не получил упокоения, и снова постигло его другое искушение – смерть сына вдовицы. Ибо когда блаженная жена, ожидая получить от пророка в награду за благостыню страннолюбия благословение, увидела, что сын ее умер, и получила она то, что было для нее болезненнее всего, – смерть сына, в ком надеялась она иметь утешение в жизни; сына лишилась она, по пришествии пророка. Тогда какая была пророку скорбь! Какое оскудение сил! Женщина требует у него сына своего, и связавший облака сам приведен в тесное положение этой женщиной, требующей сына. Поэтому, не находя от нее покоя, трижды обнимает отрока, полагая свои уста на устах его, и после усиленной **МОЛИТВЫ** к Богу отдает отрока матери, воскресив его из мертвых, потому что содейственниками его были пост и нестяжательность. Видите, братия, силу нестяжательности и воздержания, как они разрешили смертные узы, даровали жизнь отроку, спасли пророка от искушений и опасностей, сделали, что на огненной колеснице востек он к Владыке, не поврежденный огнем. Поскольку жизнь его орошалась воздержанием, чистотой и Божией благодатью, то, по причине этих и прочих добродетелей, находясь еще во плоти, жительствовавал он с бесплотными Ангелами. Так и мы постараемся приобрести богатое стяжание (приобретение) – воздержание и нестяжательность, да и нас представит Бог из жизни тленной в жизнь нетленную и вечную.

Пророк Иеремия был освящен еще в матерней утробе, потому что Бог сказал ему: Прежде неже Мне создати тя во чреве, познах тя, и прежде неже изыти тебе из ложеcн, освятих тя ([Иер.1:5](#)). Бог дал ему власть искоренять и разорять, губить и разрушать, а также созидать и насаждать ([Иер.1:10](#)); и вот открывается, что и при всем этом не без скорбей провел он настоящую жизнь; можно даже сказать, что никто другой не проводил жизнь столь горестную и скорбную, из-за чего и написал он такую книгу плача. И если нужно будет в сокрушении сердца поучиться, как жить благоугодно Богу, то обязаны и мы его жизни подражать, и ее в себе изобразить, потому что этот блаженный приобрел великое смиренномудрие и любовь к Богу и ближнему. У кого же достанет сил взойти до такой обширности добродетелей и достойным образом описать это? Его вера препобедила и природу человеческую, потому что отрекся он от всякой славы. И то смирение Господа, которое показал Он ради нас, грешных, нас ради обнища богатый ([2Кор.8:9](#)), когда Он, Господь и Бог всяческих, благоволил приять зрак раба; сидящий на Херувимах и непрестанно славословимый всем

Ангельским и Архангельским воинством пожил с человеками, – это самое смирение предуказал нам Иеремия, выразив его не словами только, но и делами. Когда Бог вручил ему пророческий сан, тогда сказал он: Господи, се, не вем глаголати, яко отрок аз есмь (Иер.1:6), почитая себя недостойным пророческого сана, потому что не от труда уклонялся, но предан был смиренномудрию. Поэтому Бог, на слова его: не вем глаголати, яко отрок аз есмь, приемля его смиренномудрие и возбуждая к большему усердию, сказал: Не глаголи, яко отрок аз есмь, ибо ко всем, к нимже послю тя, пойдеши (Иер.1:7). И этот благословенный, столь послушный Богу, ни одного часа не провел на земле без искушений и опасностей, но всегда скорбел, видя, что возлюбленные им живут так безнаказанно, уклонились от Бога, сотворившего их, и говорят ему: Да не пророчествуеши о имени Господни (Иер.11:21). И, терпя от них тысячи скорбей, Иеремия не помнил на них зла и не переставал молиться и просить Бога о спасении их, поэтому Бог говорит ему: Ты же не молися о людех сих и не проси еже помилованым быти им (Иер.7:16). Такого-то блаженного, так молившегося, влекли, чтобы свергнуть стремглав (вниз головой) и разбросать мозг его; и кроме этого, стремглав бросили его в тинистый ров, чтобы сокрушить жизнь его. И все это терпел он, по упованию на Бога, нимало не давая покоя плоти и ничего не приобрета себе на земле, ибо повелено было ему Богом приобрести льняной чресленник (пояс), но и тот принужден был скрыть в расселине у Евфрата, а потом взять его оттуда уже согнившим, в означение расслабления крепких во Израиле. Возлагали на него также деревянные клади, и всякую скорбь принужден был терпеть он в чаянии вечных благ.

Но чтобы не писать многого нам, которые не в состоянии сказать о святых что-либо достойное их, обойду молчанием все прочее. Ибо все святые испытывались этими борениями, все время жизни своей проводя в искушениях. Пророк Исаия провел трехлетнее время нагим и необутым. Этот великий провозвестник Спасителя домостроительства, сподобившийся узреть Владыку над Херувимами, благовествовавший нам оставление грехов наших ради бессмертной Плоти Владыки Христа со всяким смиренномудрием говорит: «О, окаянный аз, яко умилихся... нечисты устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима» (Ис.6:5). Поэтому Бог, видя его смиренномудрие, показал ему силу страшных таин: «И послан бысть ко мне», – говорит он, – «един от Серафимов... имяше уголь горящ, егожеклещами взят от алтаря, и прикоснуса устам моим и рече: се, прикоснуса сие устам твоим, и отымет... от тебя... грехи твоя» (Ис.6:7). Итак, посмотрим, видел ли покой в мире сем и этот славный муж, сподобившийся видеть

неизследное (непостижимое), и не провел ли он все время жизни своей в опасностях и искушениях? Но ходивший нагим и не обутым, и перепиленный деревянной пилой, – какое упокоение мог видеть он в настоящей жизни? Претерпел же это, чтобы достигнуть беспечальной и безболезненной жизни, каковой провозвещал он жизнь будущую, откуда «отбеже болезнь и печаль и воздыхание» (Ис.35:10). И, здесь охотно претерпев печали и огорчения, достиг он безболезненной и беспечальной жизни.

Что же сказал бы иной о живших после него? Даниил, проводивший время в постах и молитвах, за эти добродетели и за страшные истолкования сна, ввергнут был в ров львиный, и понес тысячи бедствий ради уготованного на небесах блаженства, поэтому и узрел будущий Суд. «Зрях», – говорит он, – «дондеже престолы поставишася, и Ветхий денми седе, и одежда Его бела аки снег, и власи главы Его аки волна чиста, престол Его пламень огнен, колеса Его огонь палящ. Река огненна течаше исходящи пред Ним: тысяща тысящ служаху Ему... судище седе, и книги отверзошася» (Дан.7:9–10). Потом говорит: «Видех во сне ношью, и се, на облацех небесных яко Сын человекъ идый бяше и дажде до Ветхаго денми дойде и пред Него приведеся: и Тому дадеся власть и честь, и царство, и вси людие, племена и язы цы Тому поработают: власть Его власть вечная, яже не преидет... Вострепета дух мой в состоянии моем, аз Даниил, и видения главы моя смущаху мя» (Дан.7:13–15). Вот и этот чистый не пробыл на земле без искушений и скорбей.

А мы ожидаем себе Царства и уготованных в нем благ без труда и прочих неприятностей в жизни. Кто же похвалит нас за такой образ мыслей? Если бы можно было получить Царство без скорбей, без искушений, без терпеливого подвига в прочих добродетелях, то для чего Бог попускал святым терпеть столько опасностей, искушений и тесноты, а не позволил всем жить в своеволии и роскоши? Если так рассуждать, то иные из неверных, увидев, что таких держимся мыслей, скажут: «Значит Бог наш прогневан был на святых. Ибо если можно царствовать на небе без скорбей и искушений, то для чего Он оставлял их в бедствиях, в теснотах, в опасностях и в многообразных искушениях?» Какое великое бесстрашие! Какая великая небрежность! Какая великая изнеженность! Какое ожесточение! Плакать нам должно об ожесточении сердец наших и о том, что так далеки мы от упования и терпения святых. А мы, напротив того, нередко еще осуждаем праведно живущих за великую их скромность, смиренномудрие, нестяжательность и прочие добродетели, и такое мужество в терпении называем часто уклонением от порядка и слабостью духа, и обвиняем в лени. Что же будем делать мы,

которые сами уязвляемы таким множеством зол и, по слову Соломона, «добродетели... ни единого знамения можем показать, во злобе же нашей» (Прем.5:13) кончается жизнь наша? Святые ради Бога, и чтобы насладиться вечными благами, претерпели столько искушений и опасностей, а мы, ежедневно видя на себе Господни благодеяния, предаемся лени. И это с нами от того, что не ожидаем будущего Страшного и нестерпимого Суда, который будет один, как покажет свое время; не возделаем насладиться вечными благами, но прилепились к земным и суетным житейским занятиям, которые нисколько для нас не полезны, но, напротив того, приносят крайний вред. Итак, отрезвимся, возлюбленные, и вступим в подвиг, пока есть время.

Так процветали три отрока и не переставали песнословить Бога, но и среди огня, как в молитвенном доме, продолжали делать то же, совершая подвиг терпения и, благодаря, прославляли песнопениями Бога, ради Которого ввержены были в огонь. Видите благопризнательность святых? Видите любовь их к Богу и адамантово (крепкое, как алмаз) терпение? Что же сотворил Владыка? То, что святые эти, ввергнутые в огонь, истребляющий камни, железо и всякое вещество, вышли из него, как жених из брачного чертога; ибо «они огненны не быше в них» (Дан.3:44), но вода орошала власы главы их. Все же это приобрели им воздержание и нестяжательность, ибо в воздержании (прежде вавилонской печи) оказались они победителями естественной пищи и угасили пламень греха, возжигаемый плотскими пожеланиями, а приобретя нестяжательность, приобрели Небесное Царство; и здесь удостоены царем поклонения, и там наслаждаются вечной жизнью. Поэтому и мы, возлюбленные, поревнуем их добродетелям, пойдем их путем, чтобы войти в покой их.

Что же намерен я сказать о святых, подвизавшихся в Ветхом Завете, о которых апостол говорил; «Ихже не бе достоин (весь) мир!» (Евр.11:38). Не то, что приобретали они великие стяжания, роскошествовали и упокоевались в настоящей жизни, но что «проидоша в милотех (и) в козиях кожах, лишены, скорбяще... скитающиеся» (Евр.11:37–38); «иже верою победиша царствия... получиша» Божия «обетования» (Евр.11:33). Видите, братия, что никто из святых не проходил здешней жизни без скорбей и искушений. Как же мы, не претерпев ничего подобного, но пребывая в покое и забавах века сего, сподобимся их части? Не здесь обещал нам Бог даровать покой и Царство Свое, ибо век сей назначил быть для нас училищем, местом искуса и подвига, как говорит мужественный Иов: «искушение... житие человеку на земли» (Иов.7:1). Поэтому не будем унывать, когда приключаются с нами огорчения и скорби, а

напротив, станем радоваться, что идем путем святых. Ибо Господь наш **Иисус Христос**, Податель жизни нашей, все домостроительство Свое во плоти совершил страданиями. Он, Владыка всяческих, принял на Себя зрак раба: «**богат сый**», обнищал, терпел голод, жажду, труды, утомление в пути; Создатель всего и Господь не имел, где «**главы подклонити**» (**Мф.8:20**). Тот, Кого трепещет всякая тварь небесных, земных и преисподних, содержимых под властью диавола, Тот, Кто дал нам власть попираť диавола, Тот благоволил сорок дней и сорок ночей продолжать пост, а потом быть искушенным от диавола. Имел ли нужду в посте Бесстрастный? Упокоению всех труждающихся должно ли было утруждаться? Для чего жаждал многообильный Источник, претворивший воду в вино, источающий реки живых вод из чрева верующих в Него? Конечно, Он хочет нам показать этим пример и образец жития, чтобы, упражняясь в том же, избавились мы от злокозненности диавола и достигли вечного Царства Христова. Поэтому и страдал Он, укоряемый, злословимый, оплеванный, ударяемый по ланите, бичуемый, венчаемый тернием, приемлющий в руку трость, облекаемый в багряницу, заушаемый, приемлющий все роды поругания и осмеяния, распинаемый, напоеваемый оцтем и желчью, пронзаемый в ребро копием, вмняемый с беззаконными. Все это претерпел Господь ради нас, все это перенес Долготерпеливый ради нашего спасения. Итак, чем воздадим Господу, показавшему столько любви к нам, грешным? Не воздаяния требует Он от нас, но хочет только, чтобы приложили мы попечение о собственном своем спасении.

Так и апостолы, следуя наставлениям Спасителя, терпели всякую скорбь и тесноту, преследуемые, гонимые, утесняемые, оскорбляемые, унижаемые, подвергаемые заплеванию, непрестанно изгоняемые из одного места в другое, одним словом, не находившие себе покоя, но имевшие перед очами **смерть** и ежечасно ее ожидавшие, и, сверх этого, изнуряющие тела свои постом, бдениями, жаждой, наготой, трудами, опасностями и путешествиями, чтобы и себе, и нам уготовить вечную жизнь. Ибо ясно показывает Бог, что нет покоя на земле желающим спастись, потому что не без труда дается награда, и каждый из нас получит свою награду, по мере труда своего.

Следуя по стопам их, и добропобедные мученики, пройдя различные искушения, переплавленные в мучениях, как золото в горниле, украшены венцом нетления; бичуемые, скручиваемые, строгаемые, жестоко изъязвленные под ударами, связанные, ввергаемые в темницы. Князи и цари отдавали их на съедение зверям, предавали всеядному и сильному огню, бросали их в речные потоки, топили в море, привязав к колесам, сокрушали преподобные и нежные их члены.

Все же это святые превозмогли не телесной силой, потому что имели такое же тленное тело, какое имеем и мы, но, укрепляемые надеждой будущих благ, претерпели все мужественно, нисколько не вводясь в искушение плотскими мыслями, не поддаваясь ласкательствам, не обольщаясь временной славой и суетным богатством, но, несомненно возложив все свое упование на Господа, попрали все козни диавольские и явились Господними мучениками, дав доброе исповедание пред человеками.

Так и мы, возлюбленные, хотя не время теперь мученичеству, сделаемся мучениками в совести, противопостав диавольским умыслам смиренномудрием, терпением, любовью к Богу и к ближнему, угождением друг другу ради Бога, во исполнение заповеди Спасителя, какую изрек Он: «**Болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит**» (Ин.15:13). Итак, если заповедано нам полагать душу друг за друга, то кольми паче обязаны мы оказывать друг другу послушание и покорность, чтобы стать подражателями Господу. А Он первым показал послушание делом и словом: «**послушлив быв Отцу даже до смерти, смерти же крестныя**» (Флп.2:8), а также и душу положил по свойственному Ему человеколюбию, и при этом за нас, бывших Ему не друзьями, но врагами. Он нас, врагов Его по нашим прегрешениям и вожделениям, **смертью** Своей примирил с Отцом, «**истребив еже на нас рукописание**» (Кол.2:14). А мы, обязанные последовать Ему, и получив повеление соблюдать заповеди Его, не соблюдаем их. Он Сам прежде исполнил, а потом научил; а мы и малого даже послушания не оказываем друг другу, но все порабощены наиболее прекословиям и непокорности, и не подчиняемся не кому бы то ни было, но Самому Владыке Христу. Ибо, когда противоречим отцам нашим, предлагающим спасительные для нас наставления и готовым положить за нас душу свою, тогда противимся не Самому ли Христу, сказавшему: «**Слушай вас, Мене слушает... отменяйся же Мене, отменяется Пославшаго Мя**» (Лк.10:16). Поэтому, как же отменяющих Сотворшаго нас сподобит Он Царствия, а не паче осудит и накажет, потому что так извращаем заповеди Его, не хотим видеть, как опасно преслушание, и не познаем пользы послушания и того, что преслушание производит смерть, а послушание доставляет жизнь вечную. Итак, употребим усилие, возлюбленные, для достижения прекрасного этого послушания и для возможности наследовать жизнь вечную, и не соделаем себя повинными смерти за преслушание и непокорность, но, имея страх Господень, слушаемся наставлений апостола, когда он говорит: «**повинующеся друг другу в страхе Божии**» (Еф.5:21), «**тщася блюсти единение духа в союзе мира**» (Еф.4:3), потому что мир служит основанием всякой благой

надежде; мир – смерти смерть, сетование диаволу, потребление бесам. Взыщем мира, устремимся во след его; это – Христос, как говорит апостол: Христос «**есть мир наш, сотворивый обоя едино и средостение ограды разоривый**» (Еф.2:14), «**и пришед благовести мир... дальним и ближним**» (Еф.2:17).

Постараемся же, возлюбленные, держаться этого мира, а врагу, то есть диаволу, воспротивимся, и сотворим с ним брань, восприяв на себя сильные оружия нашего воздержания, то есть прежде всего правую веру, упование будущих благ и нелицемерную любовь. Этими тремя духовными оружиями низложим три лукавых ухищрения врага, то есть забвение, неведение и леность. Ибо это – три лукавых и тонких его вымысла; этими тремя силами ввергает он в пагубу род человеческий, особенно тех, которые внимают лукавым его советам. Эти три козни его зловреднее всех его вымыслов, потому что весьма тонки и неприметно вкрадываются в нас, и мы не думаем, что делаем худо, предаваясь этим порокам. Предположим, что иной встретится со львом или медведем, самыми свирепыми зверями, и будет умерщвлен ими, потому что они огромные и сильные; а другой нападет на змею, или паука, или скорпиона, и от действия ядовитого зверя подвергнется той же смерти, как и встретившийся с величайшим из зверей. Так и тот, кто предан пьянству, чревоугодию, блуду и прочим страстям, подвергается душевной смерти от этих великих и лукавых страстей, а если кто одержим неведением или одолевается леностью, такими, по-видимому, самыми маловажными недостатками, впадая в которые не знаем даже, делаем ли **грех**, то и этими грехами поработанные страстями подвергаются душевной смерти, как и те – смерти телесной. Ибо забвение, вводя в заблуждение души наши, не позволяет нам содержать в памяти Божии заповеди, а между тем грех, нападая на нас, берет нас в плен и удаляет от Бога. Неведение, похищая в уме нашем любовь к Богу, не дает в нас места надежде на блага, и мы, привязанные им к земному и суетному, не верим заповедям Божиим и делаемся врагами Богу. «**Иже бо**», как сказано, «**восхощет друг быти миру, враг Божий бывает**» (Иак.4:4).

Свергнем с себя тяжесть мира, понесем крест наш, и последуем за Крестом Господа, не уклонимся от прекрасного пути этого ни в правую, ни в левую сторону. Ибо путь этот есть Иисус Христос, Который говорит; «**Аз есмь путь и истина и живот**» (Ин.14:6). Итак, пойдем этим узким и тесным путем, чтобы насладиться вечной жизнью, которая есть Христос. Пойдем, потому что все праведники им шли. Поэтому и пророк говорит: «**Многи скорби праведным**» (Пс.33:20).

Итак, если святые наследуют Царство Небесное за многие скорби, то ужели же надеемся получить оное мы, при беззакониях, в покое и

роскоши, отягченные бременем мирских занятий? Возможно ли это? Кто несет бремя (тяжесть) по пути весьма узкому и утесненному, тому невозможно пройти, потому что препятствует теснота. Так и обремененный мирскими занятиями затрудняет себя в достижении Царства Небесного. И Господь, объясняя затруднительность спасения многостяжательным и являя нам совершенное великодушие, сказал: «**Како неудобь имущии богатство в Царствие Божие внидут!**» (Мк.10:23). Ибо когда приступил ко Господу юноша, спрашивая о вечной жизни и говоря: «**Учителю благий! что благо сотворю, да имам живот вечный**» (Мф.19:16), Господь сказал ему: «**Заповеди веси: не прелюбы сотвориши: не убий: не укради: не лжесвидетельствуй... чти отца твоего и мать**» (Мк.10:19). Поскольку же юноша сказал: «**Вся сия сохраних от юности моя, что есмь еще не dokonчал?**» (Мф.19:20), Господь, желая показать, что не сохранил он и тех заповедей, на которые указывал, сказал ему: «**Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим; и имети имаша сокровище на небеси: и гряди вслед Мене**» (Мф.19:21). Но он, подавленный тяжестью имения, связанный похотью его и потому уязвляемый печалью, не захотел быть последователем Господним, не возжелал приобрести и небесное сокровище, но «**отыде скорбь**»; и евангелист, представляя и причину этого, говорит: «**бе бо имея стяжания многа**» (Мф.19:22). Видите, возлюбленные, каких преспеяний препятствием бывает многостяжательность. Великое имение не дозволило юноше стать последователем Господним, и даже то, в чем почитал себя преуспевшим, обратило в ничто. Поэтому Господь сказал еще: «**Удобее есть велбуду сквозе иглине ушы проити, неже богату в Царствие Божие внити**» (Мф.19:24).

Итак, почему же нам не устранить от себя этого препятствия, не взять креста своего и не последовать за Спасителем, не озираясь вспять, подобно жене Лотовой, которая, как пример неверия, стала сланным (соляным) столбом до сего дня? И Господь говорит: «**Никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии**» (Лк.9:62). Озираться вспять не иное что значит, как возвращаться к мирским занятиям. Что, по-видимому, разрушили, то временным упокоением воссоздаем, во всем делаясь преступниками, как говорит апостол Павел: «**Аще бо яже разорих, сия паки созидаю, преступника себе представляю**» (Гал.2:18). Ужели думаем, что, преступая заповеди Божии, сподобимся Царствия, а не будем, напротив того, осуждены в геенну огненную?

Итак, возлюбленные, пока еще время спасению, постараемся отложить всякую нечистоту и всякую злобу, будем подвизаться подвигом добрым, чтобы достигнуть вечной жизни, к которой мы и призваны,

для которой и дали прекрасное исповедание, приняв на себя образ святыни. Поэтому будем «достойно ходити звания... со всяким смиреномудрием... терпяще друг другу любовь» Господа нашего Иисуса Христа, и потщимся «блюсти единение духа в союзе мира» (Еф.4:1–3). Ничего не будем делать из соперничества или по тщеславию, да не поработимся лукавым страстям, то есть чревоугодию, которое есть мать невоздержания. Никто из нас да не подражает Исаву, который, возлюбив гной внутренностей, продал первородство свое, вменив чрево свое в бога. Ибо что освящено было Богу, то предал он чревоугодию, осквернившись этим и сделавшись чуждым для Бога. Итак, не будем уподобляться Исаву, который у апостола назван блудником и сквернителем, ибо говорит он: «не кто блудодей, или сквернитель, якоже Исав» (Евр.12:16). Напротив того, поревнуем простой и незлобивой жизни Иакова, чтобы с ним наследовать спасение, ибо сказано: «Иаков... бысть человек нелукав, живой в дому» (Быт.25:27).

Да, возлюбленные, не будем нерадеть о душах своих, потому что душе нет и цены. Охотно претерпим искушения, всякую скорбь и тесноту; будем укрощать тело, поработая его строгим постом, всенощными бдениями, возлежаниями на голой земле, трудами, и вообще суровой жизнью, чтобы душа наша со дня на день обновлялась. Ибо апостол Павел говорит: «аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни» (2Кор.4:16); и еще: «Еже бо ныне легкое печали наша... вечныя славы соделоват нам, не смотряющим нам видимых, но невидимых: видимая бо временна, невидимая же вечна» (2Кор.4:17–18). Возжелаем приобрести вечное. Приведем себе на память святых; взвесим их добродетели, и поревнуем им, и желанием души своей пойдем по следам их. Кто из них проводил настоящую жизнь в покое, а не напротив того, искушениями, скорбями и страданиями наполнял все настоящее время жизни своей? Поэтому-то, как сказал я ранее, Господь письменно передал нам жизнь их, не для того только, чтобы мы дивились им и восхваляли их, но чтобы, по примеру их жизни, старались и мы приобретать доброе житие.

Возьмем в пример начаток благих – Авеля, этого незлобивого агнца, принесшего благоугодные дары Богу, не соделавшего никакой неправды, но добродетелью и благоугождением Богу возбудившего к себе зависть, умерщвленного братней рукой, не имевшего в себе ничего такого, что было бы достойно осуждения и могло возбудить этот нечестивый гнев брата. Но, как сказано, возбудив к себе зависть добродетелью, претерпел он смерть и, став прообразом Владыки Христа, упокоевается во веки веков. Родители же его, первозданные, сотворенные пречистыми руками Создателя и Бога, вкусив великих

утех райских, преслушав заповедь Сотворившего их, приняв совет обольстителя и приобщившись наслаждений обольщения, извергнуты из рая. Видишь, сколько вреда принесли им покой и утехи! Привели к тому, что возмечтали о равенстве с Богом. Ибо род человеческий всего более неспособен к покойной жизни. Скорбь же, скудость и разные искушения, претерпевших оные делают славными и блаженными.

Хочешь ли знать, в каких искушениях и скорбях провел настоящую жизнь Ной? Писание говорит: **«Ное же обрете благодать пред Господом Богом»** (Быт.6:10), чтобы знали мы, как истинно благоугождающие Богу подвергались и подвергаются искушениям и различным скорбям, – да явятся более чистыми, как золото, вверженное в горнило. Кто же в состоянии будет достаточным образом пересказать скорби и искушения Ноя? Среди такого множества людей Ной один исполнял волю Божию, всех же видел уклонившимися от Бога, вразумлял их, многократно увещевая обратиться, но они почитали его пустословом. И когда строил ковчег, сколько было ему укоризн и насмешек? Но он не гневался на это, а продолжал увещевать их. И столько лет терпеть от них презрение и ненависть, видеть, что все с таким стремлением впадают в грехи, – ужели это кажется тебе малым? Кто перескажет бедствия его по наступлении потопа, эту жизнь его в продолжении целого года в такой тесноте, с таким множеством зверей, пресмыкающихся и птиц, это нестерпимое волнение, этот мятеж волн, шум громов и вод? Ужели и это почтем маловажным? А что было по прекращении потопа? Кто исчислит эти скорби – видеть совершенное запустение земли и истребление человеческого рода? Когда не доставало у него причин к беспокойству или сетованию? А неразумие сына его, Хама, когда осмеял наготу отца, – какая скорбь! Бесстыдный этот поступок столь тронул Ноя, что потомков Хамовых осудил он на рабство. Но чтобы не продлить слова, умолчу об этом; если бы пожелал кто пересказать все скорби Ноя, то не достало бы у него времени. Но среди всех этих скорбей научился он благодарить Бога, не расставаясь с упованием будущих благ. Поэтому память о нем соблюдется (сохранится) в бесконечные веки.

Что скажем о патриархе Авраме? Многие говорят, что жил он в богатстве и обилии, более всех, а потому, кто молится о чем-либо, испрашивает себе Аврамова благословения и обилия. Но если кто рассмотрит его богатство, то найдет, что он более всех терпел скорби, и все время своей жизни проводил в искушениях. И кто перечислит его скорби, бедствия во время путешествий, опасности в войнах? Живущему благочестиво – быть ни во что, оставить землю свою и всех сродников, не знать, где должно остановиться, ежедневно переселяться с места на место, скитаться с опасностями для себя, и одной пяди не

иметь наследства на земле, но обитать в шатрах... И что хочу сказать? Кто ожидает себе наследия будущих благ, тот должен ничего не приобретать в свою собственность в настоящем, но быть твердым в уповании на Бога, подобно Авраму, который клятвой уверял царя, к нам обращая слово о нестяжательности, нас уча не быть пристрастными к миру, но возлагать свою надежду на Бога. Поэтому, когда царь, после победы во брани, из благодарности хотел воздать награду его трудам, Аврам сказал: «**воздвигну руку мою ко Господу Вышнему, Иже сотвори небо и землю, аще от нити до ремня сапожного возьму от всего твоего, да не речеши, яко аз обогатих Аврама**» (Быт.14:22–23). Видите, что Аврам не пожелал ничего в настоящем, но, укрепленный надеждой на будущее, мужественно перенес искушение. Не пощадивший единокровного, но готовый заклать его, по Божью повелению, мог ли пожелать себе чего-то временного? Усердный сей делатель страннолюбия, за прекрасное это столпоздание, угостил Бога, как странника, и, соделавшись другом Божиим, наслаждается благами, всегда пребывающими. И мы будем подражать его вере, мужеству, любви к Богу, страннолюбию, чтобы с ним насладиться вечных благ.

Что же скажет иной о послушании Исаака, или кто ублажит оное? Когда отец вел его на жертву, охотно шел он на смерть, поэтому и стал прообразом Владыки Христа. И мы приобретем его послушание, его готовность и, не сомневаясь, будем оказывать послушание отцам, чтобы и нам от Спасителя Христа получить награду за послушание.

Не осмеливаюсь и говорить о мужественном Иове: целое море искушений претерпел он, не колеблясь сомнением, мужественно перенес всю бурю, всю непогоду, все тревобления от чуждого, и пребыл непоколебимым, как несокрушимый утес, принял на себя все стрелы лукавого и остался неизъязвленным, оградив себя щитом веры, и, мужественно поборов и сокрушив врага, оказался увенчанным. Когда диавол просил его себе для искушений, и когда, после того как нестерпимый удар нанес телу его, пожал богатство его, лишил его всех имуществ и всего прочего, – дома, служителей, детей и всякого иного достояния, услышал, что Бог свидетельствует о добродетелях праведника, и говорит ему: «**Внял ли еси убо (мыслию твоею) рабу Моему Иову? яко несть такова от сущих на земли: человек незлобив, истинен, непорочен, богочестив, удаляясь от всякого зла... ты же рекл еси имения его погубити вотще**» (Иов.2:3). Тогда вселукавый диавол, прибегнув к великому бесстыдству, присовокупил слово оправдания: «**кожу за кожу, и вся, елика имать человек, даст за душу свою**» (Иов.2:4). Видишь ли, как диавол невольно сказал истину, что лишение временного – спасение душе. Иов, приобретая настоящее,

приобретал не для себя, но для нищих, говоря: «Дверь же моя всякому приходящему отверста бе» (Иов.31:32). «Аз бых отец немощным... око бех слепым, нога же хромым» (Иов.29:16,15); и «от стрижения... агнцев моих согрешася плещы» нищих (Иов.31:20). Видите, возлюбленные, не для себя, но для нуждающихся приобретал он богатство. Поэтому и по утрате его не огорчился, но паче благодарит, говоря: «Господь даде, Господь отъят: яко Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно во веки» (Иов.1:21). Видишь, как для спасения души своей пренебрегал он всем, что на земле. Ибо и диавол признался, что лишение имущества – спасение душе. А если, хотя и невольно, признался в этом диавол, отягчающий людей бременем мирских стяжаний, то для чего же мы сами себя связываем ими, а не паче оставляем их, чтобы приобрести души свои и улучшить Небесное Царство? Господь же сказал: «И всяк, иже оставит дом или братию, или сестры, или отца, или мать... или села, имене Моего ради, сторицею примет и живот вечный наследит» (Мф.19:28); как и раб Божий Иов, лишившись всего временного и всякое искушение претерпев мужественно и великодушно, и настоящее снова получил, и наследовал царство.

Пойдем же и мы по стопам сих добре подвизавшихся, пренебрежем все в этом веке, и приятное и страшное, чтобы не отягчить себя бременами суетных мудрований и не пасть под тяжестью грехов. Иначе Господь, придя, найдет нас почивших сном, вводящим в смерть, и отягченных объедением, пьянством и печальми житейскими; и исключит нас из Царства Небесного, и будем оплакивать дни нашей лени, нашего нерадения и расслабления: и тогда никакой, даже самой малой, не принесут нам пользы это сетование, эти слезы, воздыхания и тысячи приношений, если станем воссылать их, говоря: «Господи, Господи, отверзи нам» (Мф.25:11). Некому тогда отворить дверь; а напротив, с запрещением, внушая ужас, скажет Господь: «Не вем вас» (Мф.25:12), «отступите от Мене, делатели неправды» (Лк.13:27). Поэтому-то все святые шли путем тесным, чтобы избавиться от такого приговора и достигнуть жизни вечной.

Благотворно будет пересказать жизнь Моисея, и полезно подражать его добродетелям. Опасностям и искушениям, какие он опытно изведal, нет и числа. По рождении его бросили родители в реку; царская дочь, взяв его, воспитала вместо сына. Когда же оставил он детские понятия и пришел в совершенный смысл, то не пожелал ни временного покоя, ни суетной славы египтян, ни тленного богатства, вводящего в пагубу, но, отрекшись начисто от всего, «отвержеся нарицатися сын дщере фараоновы», и возненавидев царство и пышность, «паче (же) изволи страдати с людьми Божиими, нежели

имети временную греха сладость» (Евр.11:24–25). Однако после того, как показал он такую доблесть, встречаются его искушения и скорби; и, если кто пожелает в точности рассмотреть постигшие его искушения, то найдет, что более всякого другого понес он скорбей. Ибо, когда пришел в совершенный смысл и приобрел ревность Божию, думая, что поймут его соплеменники, однажды он увидел, что одного из них притесняет египтянин; он убил египтянина и избавил обиженного; но за это сами благодетельствованные им вознамерились предать его смерти. И снова, когда соплеменники завели между собой ссору, а он желал склонить их к миру, то один из них, исполненный неправды, стал укорять благодетеля, как убийцу, говоря: «Еда убиты мя хочещи, имже образом убил еси вчера Египтянина?» (Исх.2:14). Что прискорбнее и болезненнее этого? Поэтому-то, живя при царском дворе и наслаждаясь таким покоем и такой свободой, стал он беглецом и пресельником (пришельцем), не захотев иметь египетского богатства и временной греха сладости, пожелал бедствовать в пустыне, и рассудил, что лучше пасти стада у язычника Иофора; и отрекшись, скажу так, от всего, возненавидев временный покой и возжелав небесных благ, сорокадневный пост, за что сподобился видеть Бога, «и усты ко устом» глаголал с ним Бог (Чис.12:8), и из руки Господней принял он закон, проведя всю жизнь в скорбях. Ибо тяжело было египетское искушение, но еще хуже были для него Израильтяне: то ропща на Бога, им благодетельствовавшего и подававшего манну, вспоминали они паче о чревоугодии египетском; то служили идолам и отступали от Бога. «И яде Иаков и насытися, и отвержеся возлюбленный: уты, утолсте, разшире: и остави Бога сотворшаго его, и отступи от Бога Спаса своего» (Втор.32:15). Видите, братия, что произвели пресыщение и роскошная жизнь, как сделали они Израильтян отступниками от Бога и довели до идолослужения. Все же это приводило Моисея в огорчение и скорбь. Ибо, когда этот пламенный любитель Божий видел, что те, которых любил он более души своей, так нечествуют и предаются неистовству, и после страшных оных чудес, после путешествия по морю, после такого Божия заступления и всех благодеяний обратились к идолослужению, и вследствие покоя и роскошной жизни измышляют себе слиянного (сделанного из металла) бога; тогда блаженный, огорчившись таким беззаконием их и движимый Божеской ревностью, принужден был сокрушить скрижали закона, и тем, которых столь любил, велел вооружиться друг против друга и, совершив другой сорокадневный пост, приял снова закон. Видишь ли пользу нестяжательности и искушений, как претерпевшие оные делаются друзьями Божиими? Что богаче, что славнее этого прекрасного отличия нестяжательности? Фараон был царь, имел золотую

колесницу, златокованный престол и венец на челе, но потонул в Чермном море, а нестяжатель Моисей имел у себя один жезл и златное поле – и стал путеводителем народа, извел ему воду из камня, низвел манну с неба.

Итак, их добродетелям должны соревновать и мы, принявшие на себя ангельский образ и отрeksiеся от мира, чтобы сподобиться и их благодати, и вместе с ними насладиться вечными благами; мы должны соревновать их терпению, их скромности, неозабоченности земным, смиренномудрию, кротости, незлобию, сокрушению, чистоте, нелицемерной любви. Когда Бог прогневался на нечестие иудеев и хотел истребить их, тогда сказал Моисею: «**остави Мя, да потреблю Я... и сотворю тя в язык велик... и мног**» (Втор.9:14). Но приобретший великую любовь умолял Бога и говорил: «**И ныне, Господи, аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изгладь мя из книги Твоея, в нюже вписал еси**» (Исх.32:32). Видите, возлюбленные, величие непревышаемой любви. Ради спасения иудеев и в защиту их Моисей молит его самого изгладить из Божией книги. Такой любви должны подражать желающие спастись и насладиться будущими благами. Кто приобрел такую любовь, тот не подлежит уже страстям злобы и лукавства, но, живя чисто и непреткновенно, получит Небесное Царство.

Подобно Моисею и все пророки наследовали вечную жизнь за многие скорби и искушения. Иисус Навин, учившийся у Моисея и подражавший его добродетелям, сподобился той же благодати, и многими испытан был скорбями и искушениями, ведя войну за войной; но более войн причиняли ему скорбь преступления народные. И все это претерпел он, по упованию вечных благ, по вере в Бога и из любви. Последовавшие за ним судии и пророки упражнялись в тех же подвигах и терпели те же скорби. За это ублажены Богом и наследовали жизнь вечную; не имев никакого приобретения на земле, но всегда они были «**лишены, скорбяще... в пустынях скитающиеся**», терпя всякую скорбь и тесноту. О них-то сказал апостол: «**ихже не бе достоин (весь) мир**» (Евр.11:37–38).

А кто в состоянии описать скорби и искушения Самуила, те народные прекословия, когда, восстав против Самуила, лучше же сказать против Самого Бога, Израильтяне просят царя? Сколько сетования, сколько скорбей праведнику, когда уничижали его? Поэтому Бог говорит: «**не тебе уничижиша, но Мене**» (1Цар.8:7). А когда помазанный им царь преступил заповедь Божию и сохранил иноплеменного царя, между тем как Бог повелевал умертвить, – сколько было пророку слез, сколько рыданий!

Что же царь и пророк Давид? Найдешь ли, чтобы имел он хоть какое-то упование на земле? Ибо кто проводил на земле жизнь более болезненную и скорбную? Кто возможет исчислить Давидовы опасности, скорби и сетования? Только хорошо потрудившиеся в изучении Писаний, и с добрым разумением прочитавшие книгу Псалмов, только они знают, что у праведника никогда не было недостатка в причинах к плачу: иногда постелю свою омочал он слезами; иногда же говорил: «**Быша слезы моя мне хлеб день и ночь**» (Пс.41:4); иногда забывал о вкушении пищи: «**яко забых**», говорит, «**снести хлеб мой**» (Пс.101:5) «**... и питье мое с плачем растворях**» (Пс.101:10). Но для чего мне сказывать те скорби, которые описаны в псалмах его? Обременяющая нас лень не позволяет нам возвести очи к созерцанию совершеннейшего, но непременно влечет нас во ад, и принуждает идти самым широким путем погибели. Поэтому, возлюбленные, чтобы враг не низложил нас забвением, неведением и ленью, и не низвел во ад, воспротивимся «**тверди верою**» (1Пет.5:9), и постыженным бежит от нас бесстыдный змий. Ничто же так не одолевает и не низлагает его, как покорность, послушание, смиренномудрие и искренняя любовь. Эти добродетели, как сказано ранее, – стрелы в сердце врагу. Ибо он принимает на себя личину всех добродетелей, как то: поста, бдений, нестяжательности. Если скажешь о посте, то он вовсе не ест. Если о бдении, то он совершенно пребывает неусыпным. А если кто скажет о нестяжательности, то он вовсе ничего у себя не имеет. Хотя и прекрасны, и весьма полезны эти добродетели, – разумею пост, бдение и нестяжательность, однако же, вселукавый диавол принимает на себя их личину и измышляет способы окрадывать тех, кто имеет эти добродетели, тщеславием, самомнением, высокоумдирем. Но ничего не может он измыслить против смиренномудрых, потому что не может принять на себя личины этой добродетели. Смиренномудрие – Христова риза; и враг, будучи горд, бежит смиренномудрия, видя в смиренномудрых смирение Самого Христа, Который, по свойственному Ему человеколюбию, смирил Себя и принял образ раба. А человекоубийца искони, диавол, за гордость лишен Царства Небесного, и ею же низлагает превозносящихся. Подобным образом не может он ничего измыслить против покорных и послушных, потому что видит в них Владыку, Который, как говорит апостол: «**послушлив быв Отцу даже до смерти, смерти же крестныя**», А он, будучи непокорен, преслушал Бога и удален от сопребывания с Ангелами. К облекшимся же в нелицемерную любовь никак не смеет он и приближаться, потому что видит в них Человеколюбца Бога, виновника и подателя любви, как сказано в Евангелии: «**Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего**

Единородного дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный» (Ин.3:16). Поэтому боится враг облекшихся в эти добродетели и бежит их, потому что исполнен он ненависти, и сам есть изобретатель ненависти.

Итак, вместе с прочими добродетелями приобретем эти оружия, которых он не в состоянии иметь, то есть смиренномудрие, послушание, покорность, и сей в Боге насажденный корень – нелицемерную любовь. Ибо смиренномудрие, как сказано, Христова есть риза. Поэтому, кто приобрел оное, тот уподобился Смирившему Себя и Принявшему образ раба. Послушание, а также и покорность, доставляют ту же славу принявшим их на себя от всего сердца, потому что покорность приводит в порядок неумеренную попечительность; послушный, убедившись, что предел послушанию полагает только смерть, ничего не предпочитает ему, но, как сказано, делается в нем подражателем Христу, Который «послушлив был» Отцу «даже до смерти». И любовь – непреодолимое оружие на диавола, потому что «Бог любви есть, и пребывая в любви», как сказано, «в Бозе пребывает» (1Ин.4:16). Нет ничего досточестнее этих добродетелей, потому что в них весь «закон и пророцы». Итак, возлюбленные, употребим старание, чтобы преуспеть в этих добродетелях, и низложим всю силу диавола, презирая суетную славу, а равно и бесчестие, как учит апостол, говоря: «оружии правды десными и шуими, славою и бесчестием, гаждением и благохвалением; яко лестцы, и истинны» (2Кор.6:7–8). Таковы были апостолы: пренебрегали всякой человеческой славой, все в веке сем вметали (бросали) они в уметы (навоз), ничего не предпочитая любви Божией, но, соблюдая единомыслие во всем прекрасном и имея мир и любовь друг к другу, разрушили чрез это все козни диавольские, и сокрушили всякую злобу врага; не убоившись гнева царей и мучителей, своим согласием и миром привели в бездействие и совершенно уничтожили все диавольское беснование; храня между собой мир, – отразили диавольские брани; ниспровергнув всякое идолобесие, – в ничто обратили все диавольские наругания (бесчестия); будучи невеждами, – посрамили философов; недействительными сделали определения советодателей и основали Церковь, водрузили жертвенник, показали нам путь на небо, засеяли вселенную словом спасения. Во всем же этом преуспели святые не телесной крепостью, не действием оружия, но любовью к Богу и к ближнему, взаимным между собой согласием и миром; ибо ничего нет выше любви и мира. За эти-то добродетели и сподобились они такой славы: наименованы друзьями и братьями Господними. Ибо некогда Господь сказал им: «Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам» (Ин.15:14). А по воскресении

говорит женам: «Возвестите братии Моей, да идут в Галилею, и ту Мя видят» (Мф.28:10). Поэтому и «в пакибытие» Владыка обещал им сидение «на двюнадесяте престолу», и сказал, что поставит их судиями «обеманадесяте коленом Израилевом» (Мф.19:28).

Итак, возлюбленные, будем и мы следовать их учению, подражать их добродетелям, твердости в правой вере, искренней надежде на упокоевание в будущем веке, нелыстящей любви к Богу и ко всем, их смиренномудрию, терпению, негневливости, безмятежию, рассудительности, нещеславию, сострадательности, сердоболию, терпеливости, кротости, безмолвию, несребролюбию, воздержанию, тщательности, ревности к добродетелям, послушанию, постоянству, готовности на скорби, опасности и искушения; кроме же всех этих перечисленных добродетелей, – единомыслию и союзу единения, чтобы при помощи всех этих добрых дел избавиться нам диавольских злоухищрений, обмана и прелести, избежать геенны, червя неусыпающего, плача, скрежета зубов и тьмы крошечной, сподобиться же вечного и бессмертного света в упокоении и вечной радости Господа нашего Иисуса Христа, там, откуда бежали печаль, болезнь и воздыхание, где нет противобойствующего диавола, где не видно ни обидчика, ни обидимого, где нет смерти и бедствий, но есть веселие и вечное радование. Этого возжелаем, этому поревнуем, это постараемся приобрести житием своим в мире. Поспешим, ускорим шествие, пока еще день, пока не застигла нас нескончаемая ночь, пока не заключены двери: уясним (проясним) светильники душ наших убелением чистоты, чтобы вместе с владычественным Бессмертным Женихом, радуясь, войти в небесный Его чертог. Вверенную же нам одежду святости постараемся соблюсти неукоризненной, чтобы Владыка узнал дар Свой, сохраненный нами чистым и неоскверненным, и чтобы услышать нам оный блаженный глас Владыки: «Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира» (Мф.25:34); и еще: «добре, рабе благий и верный! о моле Ми был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа» (Мф.25:23), о Христе Иисусе Господе нашем, Ему слава и держава ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.